

АЛЕКСАНДР УГОЛЬКОВ

В РАМКАХ
НЕДОЗВОЛЕННОГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Угольников

В рамках недозволенного

«Автор»

2026

Угольков А.

В рамках недозволенного / А. Угольков — «Автор», 2026

Что, если самый страшный кошмар приходит в образе самой доброй сказки? В замерзающем городе, отрезанном от мира лютым холодом, пропадают дети. Единственная зацепка — свидетельства о человеке в костюме Деда Мороза. Циничный журналист Глеб Смирнов уверен: это дело рук маньяка. Пока однажды он не узнает жуткую правду. Чтобы выжить и остановить безумие, Глебу придется заключить сделку со снежной незнакомкой, поверить в говорящего снеговика и столкнуться с силами, в существование которых он всегда отказывался. Цена вопроса — его рассудок, его душа и жизни всех обитателей города. Готовы ли вы узнать, каков на вкус настоящий зимний ужас?

© Угольков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. В которой ничего не происходит	8
Глава 2: в которой становится понятно, что не все сделки честны	16
Глава 3. Из которой мы узнаем, почему по счетам нужно платить	23
Глава 4. В которой много снега и странное место	30
Глава 5. В которой все становится только хуже	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Угольников

В рамках недозволенного

Пролог

Уже успело стемнеть. Город окрасился праздничной иллюминацией, разноцветными огнями и стал похож на новогоднюю ёлку. Уличные фонари опутаны гирляндой, будто волшебным сияющим плющом. Чувствуется приближение Нового года.

Мальчик достаёт смартфон. Вечерний город, конечно, выглядит красиво, но «Майнкрафт» гораздо лучше. Папа рассказывает, что совсем недавно не было ни интернета, ни смартфонов. Миша думает, что ему очень повезло жить сейчас. И что бы он делал без телефона? Чем вообще раньше люди занимались? Иногда вечерами, когда Миша смотрит мультфильмы или играет на приставке, мама читает книги. Какая же это скука!

Он проезжает несколько остановок. Мимо мальчика медленно проплывает здание городского дворца культуры. Сюда Миша приходит по четвергам. Он участвует в ансамбле народной музыки: играет на ложках. Нельзя сказать, что ему это нравится. Народные костюмы, по мнению Миши, выглядят глупо. Разрешили бы ему играть на ложках в костюме Человека-паука, который родители купили для новогоднего утренника, – вот это другое дело.

Маршрутка подъезжает к остановке рядом с домом Миши. Пора выходить.

Проталкиваясь мимо уставших и раздражённых взрослых, Миша протягивает водителю две монеты. Одна – обычная маленькая десятирублёвка из стали с латунным покрытием, другая – красивая двухцветная. На аверсе двухцветной изображён какой-то дяденька в скафандре. Миша не знает, что это Юрий Гагарин, но монета ему очень нравится. К несчастью, других денег в кармане нет, и мальчику остаётся надеяться, что папа прав и Земля действительно круглая, а значит, такая же монетка ещё попадётся ему.

Он выходит на улицу, и холодный ветер, пахнувший выхлопными газами, бьёт в лицо. Уж лучше поторопиться.

Звонит телефон. Миша долго роется в карманах, пытаясь найти смартфон, но тот всё время ускользает. Наконец телефон в руках. Он лежал под блокнотом для «умных мыслей», который Миша купил на большой перемене. Мама спрашивает, не нужно ли его встретить. Миша в ответ смеётся и говорит, что доберётся сам и будет дома уже через пять минут.

Осенью, когда он только пошёл в школу, родители отвозили его утром и забирали после уроков. Но теперь, спустя четыре месяца, Миша уже не был малышом и сам добирался до дома. Да и что тут идти? Остановка – у самой школы, идти до дома – десять минут.

Мальчик проходит мимо супермаркета во дворы. Скоро дом. Здесь нет освещения, и Миша испытывает тревогу. Так всегда. Но бояться не стоит: через несколько минут его встретит мама. Он возвращается со школы сам уже почти два месяца, но до сих пор немного побаивается темноты. «Ты мужик!» – говорит себе Миша, пытаясь имитировать голос отца, и это немного успокаивает.

Отец у Миши сильный. Он полицейский. Его уважают и побаиваются, во всяком случае, так говорит мама тёте Любе, когда они пьют чай на кухне. Иногда он прикладывает к бутылке, но никогда не распускает руки. А это важно.

Миша мечтает, что когда-нибудь тоже станет полицейским: будет ловить преступников и стрелять из чёрного револьвера, как в фильмах с крутыми парнями, которые крутят вечерами по телику. Конечно, он хотел бы стать супергероем, как тот же Человек-паук, но папа говорит, что всё это выдумки.

Он заходит в тёмный двор. Слишком тёмный, слишком пустой, слишком холодный. Но ничего страшного: осталось пройти три дома. Три дома, а потом будет подъезд, и тёплая квартира, и мама, и печенье с молоком, и, конечно, приставка с любимыми играми.

На углу дома Миша видит старика в длинной шубе. Наверное, какой-нибудь пьяница. С пьянчугами надо быть осторожным. Так говорит папа. Мальчик старается обойти старика по дуге, но видит, что незнакомец – это Дедушка Мороз, и останавливается. Длинная красная шуба, белая борода, мешок, вероятно, с подарками.

Конечно, это не Дед Мороз. Миша уже большой и знает, что подарки под ёлку кладут родители. Только малыши верят в чудеса. Наверное, это актёр в костюме возвращается с утренника. Но почему так поздно?

– Хочешь подарок? – спрашивает незнакомец в костюме Деда Мороза.

– Вы ненастоящий... – говорит Миша. Он уже взрослый и знает, что такое выдумка. Нет никаких супергероев и Деда Мороза, и даже Бэтмена нет. Так говорит папа.

Внезапно на Мишу накатывает апатия и сонливость. Он уже не чувствует холода, просто усталость. «И почему дети должны так много учиться, таскать такие тяжёлые рюкзаки?» – спрашивает он себя.

– Конечно, я настоящий. Настоящий Дедушка Мороз. Видишь, какая у меня борода!

Миша смотрит на бороду и думает, что зря сомневался. Безусловно, это Дед Мороз. Бело-снежная борода, доходящая почти до пояса, сверкает в темноте, будто в ней спрятаны лампочки. Вот странно.

– Ты хорошо вёл себя в этом году?

Миша зачарованно кивает. Конечно, он вёл себя хорошо. Правда, два раза прогулял математику и один раз подделал оценку, исправив тройку на пятёрку, но в целом он действительно хороший. Так говорят все подруги мамы. А ещё они говорят, что когда он вырастет, то попортит всех девчонок в округе, но Миша не понимает, о чём они говорят. Он вообще не общается с девчонками.

– Отлично! Ведь я дарю подарки только хорошим деткам.

– Я хорошо себя вёл, – монотонно говорит Миша. Ему хочется спать, он бы прямо здесь сбросил рюкзак и прилёг отдохнуть. Тем более что холода уже не чувствует.

– Тогда иди сюда. Я дам тебе подарок.

Дед Мороз опускает руку в мешок и достаёт из него новенькую игровую приставку. Миша ахает от восторга.

– Да, это четвёртая «Плейстейшн», – ласково говорит незнакомец. – А к ней идёт игра «Мортал Комбат – 11».

Миша уже год грезит этой приставкой, но родители сразу сказали, что купят её только в том случае, если учебный год он закончит на одни пятёрки, а у него уже была тройка в четверти.

Мальчик делает шаг и останавливается. Нет. Разве папа не говорил ему, что нельзя разговаривать с незнакомцами? Но какой же это незнакомец? Это ведь Дедушка Мороз, тот добрый старичок из старых сказок, который приносит детям подарки. Разве он может быть плохим?

– Или тебе не нужна приставка? – спрашивает старик, увидев сомнение мальчика. – Тогда я подарю её Кольке Селивёрстову.

Ну уж нет! Только не Кольке! Этого Миша допустить не может. Чтобы четвёртая «Плейстейшн» досталась Селивёрстову?! Этот поганец постоянно его задирает.

Миша подбегает к Деду Морозу, и старик хватает мальчика за руку. Он отбрасывает приставку в снег, и мальчик краем глаза видит, что это вовсе не игровая приставка, а коробка из-под обуви. Да и Дед Мороз выглядит совсем не так, как мгновение назад. Борода из белоснежной стала серой и свалянной, местами на ней темнеют пятна. Улыбка обнажает ряд жёлтых неровных зубов. Белёдые глаза старика излучают безумие.

– Ты хотел подарочков? Сейчас сам станешь подарочком! – смеётся старик и сжимает руки на горле мальчика, перекрывая доступ к воздуху.

Миша пытается закричать, но не может. Он ждёт, что мимо кто-нибудь пройдёт. Так всегда бывает. В фильмах, которые видел мальчик, с детьми не происходит плохих вещей. Их всегда выручают из беды.

«Мой папа – полицейский. Он спасёт меня», – думает мальчик и теряет сознание.

Начинает идти снег...

Часть I. Что-то не так

Глава 1. В которой ничего не происходит

1

Снег. Синоптики обещали тёплую зиму, но градусник показывает минус тридцать два. Иду по свежевывавшему снегу, укутавшись в пальто и спрятав лицо в шерстяной шарф. Не помогает. Ветер дует прямо в лицо, куда бы ни повернулся. Закон Мёрфи в действии: ветер всегда дует в лицо.

Я не пессимист, но работа главным редактором собственной газеты научила меня готовиться к худшему, а маленькие удачи считать именно удачами, стараясь выводить их за скобки уравнения жизни.

Снега намело сантиметров тридцать. Идти было бы легко, если бы не ветер. Начало девятого, а на улице ещё ночь. Темно. Хорошо, что редакция находится совсем рядом с домом.

Спиной чувствую чей-то взгляд. Оборачиваюсь – никого, лишь одинокая ворона сидит на проводах. Её чёрный силуэт – предвестник беды. Так считал Эдгар Аллан По, а он знал в этом толк. Впрочем, я не верю в суеверия.

На едва заметной тропе валяется что-то квадратное, припорошенное снегом. Замечаю этот предмет, только споткнувшись о него. Коробка из-под обуви. Матерюсь и пинаю её с тротуара на дорогу. Неужели людям так тяжело донести мусор до контейнера?

Мимо проходит девушка в полушубке тошнотворно-синего цвета. Она тащит под мышкой маленькую собачку в розовой вязаной кофте. Бедная псина дрожит, как человек с болезнью Паркинсона. Бегут домой, в тепло. Наверное, нальёт себе горячего чая, может, плеснёт туда коньяку, потом залезет в горячую ванну, будет тереть белое тело нежной губкой... Нет.

Женщины – странные создания. Ради красоты они готовы терпеть холод, высокие каблуки, боль – и всё это для нас, неблагодарных мужчин. И при этом борются за равноправие, забывая, что самой природой в нас заложены кардинальные различия.

Дохожу до подъезда. Долго копаюсь в кармане в поисках ключей. Наконец нахожу связку. Отлично. Открываю магнитным ключом дверь. В тепло.

В подъезде сыро. Пахнет плесенью и нечистотами из подвала. Обшарпанные стены с облупленной синей краской освещает тусклая лампочка. На одной из стен – свежая надпись красным маркером: «Маша – шлюха». Интересно, кто эта Маша? Может, та самая девушка с собачкой? Или какая-нибудь школьница, не давшая однокласснику. Впрочем, неважно.

Стремительно взбираюсь на третий этаж. Открываю дверь в офис и включаю свет. Я дома. Я на работе. Сбрасываю пальто и прохожу на кухню, чтобы поставить чайник.

Офис газеты – самая обычная однокомнатная хрущёвка. В комнате нет кровати, зато стоят три стола: для меня, верстальщика и рекламного менеджера. Втроём мы вполне справляемся. Авторы статей не числятся в штате, они работают за гонорары. Корреспондента, как и волка, ноги кормят, о чём многие напрасно забывают.

Чайник закипает, а я всё не могу согреться. Что за денёк? Ещё два дня назад стояло аномальное тепло, синоптики обещали плюсовую температуру на Новый год, а сейчас холодно, как в Арктике. Надо об этом написать. В мыслях рисую первую полосу с кричащим заголовком: «Аномалии нашего городка».

Завариваю чай и, немного подумав, достаю из холодильника начатую бутылку коньяка. Наливаю янтарный напиток в чашку с надписью, наивно утверждающей, что всё будет хорошо. Пить на работе – не лучшая идея, да ещё с утра, но я так сильно замёрз. «Товарищ Смирнов,

выпишите товарищу Смирнову выговор за пьянство на рабочем месте!» Хорошо быть самому себе начальником.

Я пью чай, и меня постепенно отпускает. Чай с коньяком без чая – мой любимый напиток, но его лучше оставить на вечер.

Сажусь за стол и включаю компьютер. Жду. Он загружается медленно: мало оперативной памяти, и процессор не самый мощный, но для работы годится.

Надо составить план номера. Распределяю материалы по страницам будущей газеты, придумываю анонсы, редактирую заголовки. На первую полосу поставлю анонс статьи с третьей страницы о проворовавшемся депутате. Глава города просил придержать материал, но к чёрту его! Как говорил Глеб Жеглов, вор должен сидеть в тюрьме! А в роскошном кабинете или в камере – это уже частности, нас не касающиеся.

С местными властями я не дружу. После моего появления в городе ко мне сразу отнеслись с подозрением. Некоторое время я работал в муниципальной газете, а когда создал свою, наладить контакт с администрацией не удалось. Они решили, что газета создана как оружие против них. Истина, как всегда, прозаичнее. Газета мне нужна, чтобы зарабатывать деньги.

Дело идёт, пусть и медленно. К десяти часам план готов. Откидываюсь на спинку кресла и слышу, как открывается дверь. Это Катя, мой рекламный менеджер и по совместительству бухгалтер.

– Как холодно! – вздыхает она, снимая припорошённую снегом куртку. – Доброе утро, Глеб Александрович!

– Доброе утро, Катенька! Действительно, холодно. А давайте чаю попьём с бутербродами. Я как раз план номера закончил. Сейчас займусь вычиткой материалов.

Идём на кухню. Я ставлю чайник, а Катя делает бутерброды. Потом завтракаем и мило беседуем о вещах, не связанных с работой. Это одно из ключевых правил редакции: на кухне для газеты места нет. Девушка рассказывает мне о дочери, я – о племянниках.

Её каштановые волосы водопадом ниспадают на узкие плечи. Мне хочется прикоснуться к ним. Катя мне нравится.

– Вы слышали новость? – внезапно Катя прерывает рассказ о поборах в детском саду.

– Президент высадился на Луну?

– Вчера ребёнок пропал.

– Какой ребёнок? – спрашиваю я, прикидывая, что из этой истории может получиться хороший материал, и попутно ругая себя за цинизм.

– У Чижовых.

– Чижовы... Это не тот ли Чижов, что живёт в соседнем подъезде моего дома? Мент.

Жую бутерброд, отмечая, что колбаса хороша. Пытаюсь вспомнить название и не могу.

– Так и есть.

– Чудны дела твои, Господи. А как это произошло? Есть какая-нибудь информация?

«А вот сыр не очень, – думаю я в то же время. – В следующий раз надо будет маасдам купить. Он всегда хорош».

– Нет. Говорят, что со школы не пришёл.

– Будем надеяться, что найдут, – говорю я, понимая, как малы шансы на хороший исход.

«Краковская!» – наконец вспоминаю название колбасы.

2

Обычно Катя приходит в редакцию на два, максимум на три часа, чтобы выставить рекламодателям счета и отправить корреспонденцию. Остальное время она ходит по городу в поисках рекламы. Волки, корреспонденты, рекламные менеджеры – всё это одна братия. Но только не в день выпуска номера. В среду она кропотливо составляет модульную сетку, чтобы расста-

вить рекламные блоки, и отслеживает очередность выхода платных объявлений. Не знаю, что бы я без неё делал.

Хороший рекламный менеджер – половина успеха газеты. Вторая половина – качественные статьи. Дизайн волочится в хвосте этой процессии, зачастую не понимая собственной незначительности. Большинству людей плевать на то, как свёрстаны статьи. Им важно содержание. Те газеты, которые поняли эту простую истину, выжили, остальные погребены в гробах, сделанных из макулатуры.

– В следующем номере число полос нужно будет увеличить до двадцати, – говорит Катя, и я довольно киваю. Это хорошо. Перед Новым годом все хотят дать рекламу. Новый год – лучшее время для газеты.

В полдень приходит Илья, наш верстальщик. Он, как всегда, растрёпан, не брит, не стрижен. Первым делом снимает очки, покрытые инеем, и протирает их посеребрившим от грязи носовым платком. Потом заходит в комнату, усаживается за своё место, включает ноутбук и громко провозглашает:

– Пророк Илья приветствует коллектив газеты «Дальневосточный оракул»!

– И тебе не умереть от скуки, – равнодушно отвечаю я. Мы уже привыкли к его выходкам.

– Слышали новость? Ребёнок у Чижа пропал.

Мне приходится его выслушать, хотя информацией уже владею. Он долго сокрушается о друге и надеется, что всё закончится хорошо. Конечно. Я смотрю на Илью и за наигранным сожалением вижу пофигизм. Ему плевать на весь окружающий мир. Может, так и надо жить.

Оказывается, они с Чижовым учились в одном классе. Думаю, что неплохо было бы взять у убитого горем отца интервью. Возможно, Илья организует встречу? Но затем отбрасываю эту мысль. Только не в новогоднем номере. Не хватало ещё рекламодателей отпугнуть.

Наконец трёп заканчивается. Конечно, Илья сочувствует другу, но не настолько, чтобы утратить весёлость духа. Этим он и подкупает. Даю ему план номера и план вёрстки. До обеда остаётся чуть больше получаса.

Катя и Илья приступают к работе. Настаёт самый важный момент – расстановка рекламы. Катя наклоняется к монитору ноутбука так, что я могу разглядывать её попу в облегающих джинсах. Возможно, она делает это ненамеренно, но почему за год работы она ни разу не подошла к Илье с другой стороны?

Разглядывая Катю, думаю, что, возможно, пришло время оставить прошлое в прошлом. Я – вдовец, она – в разводе. Почему бы не посмотреть в будущее? Иногда меня посещают такие мысли, в последнее время – всё чаще. Возможно, время действительно лечит. Я становлюсь сентиментальным. Наверное, всему виной коньяк.

3

Мой обед всегда проходит в маленьком кафе «Волна» неподалёку от редакции. Здесь чисто, официанты вежливые, а еда недорогая и вполне съедобная. Заказываю сборную солянку, отбивную и эспрессо. Вместо эспрессо мне приносят растворимый кофе, но это не страшно. Немного коньяка из фляжки значительно улучшает его вкус. Сделав заказ, сажусь за столик у окна.

По-прежнему идёт снег. К обеду сугробы выросли уже по колено. Смотрю в окно и вижу на светофоре большую ворону, которая пристально разглядывает меня. Какого чёрта! Уж не та ли это ворона, что встретила меня утром? Возможно, я становлюсь параноиком.

В кафе заходит Иван Коровин, главный редактор муниципальной городской газетёнки. Осмотревшись, он садится за мой столик.

– Ну привет, конкурирующая фирма!

– И тебе не умереть от скуки! – здороваюсь я, разглядывая его бегающие пороссячи глазки. Он хватает салфетку, опрокидывая солонку, и начинает вытирать сальное лицо. Гадёныш!

– Как работается?

– Шик и блеск! А как там «Заря»? – спрашиваю я, заранее зная ответ.

– Отлично, – врёт Коровин.

– Да неужели?

– Конечно. Нам со следующего года увеличили муниципальное задание.

Опять ложь. Финансирование муниципального задания сократили почти в два раза. Смотрю в бегающие глазки Коровина и вижу: он знает, что мне известно реальное положение дел.

Официантка приносит еду. Неспешно начинаю есть, начав со сборной солянки. Безусловно, я бы приготовил её лучше, но сойдёт: есть сосиски, огурчики и даже маслины. Впечатление портит ломоть лимона с кожурой, уродливо плавающий в тарелке. Неужели нельзя положить его отдельно?

– Мне принесите того же! – гнусавым голосом Коровин кричит вслед уходящей официантке. – И не стыдно тебе? – внезапно срывается он на фальцет. – Ты у нас всю рекламу увёл!

– Увёл, – соглашаюсь я.

– Ты знаешь, сколько у меня людей работает? А нам мунзадание сократили. Мне в следующем месяце зарплату нечем платить! У меня двадцать человек в штате!

– А ты их уволь, – говорю я и невинно улыбаюсь. – У тебя есть водитель, четыре корреспондента, три верстальщика, дизайнер, корректор, наборщик текста, секретарша...

– Какая же ты свинья, Глеб! – взвизгивает Коровин.

– Знаешь, возможно, быть свиньёй не так уж и плохо, – усмехаюсь я. – Во всяком случае, свиньи никогда не устраивали геноцид. Они, конечно, живут в грязи, но это их естественная среда. Люди тоже живут в грязи, но всячески маскируют это: духами, «Айфонами», косметикой. Свиньи честнее нас.

После этой тирады заканчиваю с солянкой и, отодвинув пустую тарелку, принимаюсь за отбивную.

– Зачем тебе секретарша? – возвращаюсь к теме разговора, наливая в кофе коньяк. – Вот у меня секретарши нет, а газета выходит. И водителя нет, и наборщика текста нет. А всё работает.

– Издеваешься?

– Да, – отвечаю я, невинно улыбаясь. – Говорил же год назад, когда меня выгоняли, что похороню «Зарю». Слово надо держать.

– Чёрт с тобой! Тебе с твоей совестью жить, не мне. Слышал про Чижова?

– Да, – говорю я, думая, что добавил в кофе слишком много коньяка. – Беда.

– Как думаешь, найдут?

– Если говорить честно, то шансов мало.

– Вот и я о том. Взять бы интервью у родителей.

– Знаешь, могу помочь в этом. У меня знакомый – бывший одноклассник отца, – бросаю я как бы между прочим.

– И зачем тебе помогать мне? – спрашивает Коровин. В его глазах читается недоверие.

– А при чём здесь ты? Если бы ты лежал, привязанный к рельсам, я и пальцем не пошевелил бы, но речь о ребёнке. Если есть хоть малейший шанс помочь, мы должны им воспользоваться.

Я вру. Конечно, мне жаль пропавшего ребёнка и родителей, но очень отстранённо. Люди гибнут каждый божий день. В странах третьего мира дети умирают от голода тысячами, и никого это особо не волнует. Я давно научился пропускать всё это мимо себя. Но вот изби-

тый отцом пропавшего ребёнка Коровин – это действительно интересно. Уверен, что во время интервью Ивана обязательно побьют.

– Было бы неплохо, – задумчиво говорит он.

Допиваю кофе, иду расплачиваться. Оставляю на чай полтинник и выхожу на улицу.

Ветер. Холод. Днём кажется, что ещё холоднее, чем утром. Разве так бывает?

Рядом с работой мини-маркет. Захожу внутрь и двигаюсь мимо рядов с продуктами и суетящихся людей к колбасному отделу. Купив килограмм краковской, ищу сыры. Беру маасдам. Теперь мой пункт назначения – хлебный отдел. По пути меня толкает какая-то полоумная старуха, прижимая банку горошка к обвисшей груди. К чёрту её! Беру батон горчичного хлеба, заботливо нарезанный на ломтики машиной, и иду на кассу. Очередь. Всегда очередь. Жду. Десять минут нытья и разговоров – и я наконец встречаюсь с продавцом. Пакет нужен. Картой.

Я на воле. Пора на работу.

4

Иду на работу. Холодно. Надо поскорее добраться до редакции, пока не околел. Хорошо, что не забыл перчатки. Но даже в них из-за ветра кисти рук коченеют.

Возле редакции в мусорном баке роется бездомный. Грязное, небритое отражение бессмысленного существования. Без таких, как он, мир, может, и не стал бы лучше, но точно был бы чище.

Когда я прохожу мимо, он отрывается от поисков еды и, провожая меня взглядом, просит мелочь.

– Дружище, ты лучше поторопись, а то обед остынет, – усмехаюсь я, указывая на мусорный контейнер, и скрываюсь в темноте подъезда.

5

Илья верстает тексты. Он бесконечно балагурит, сыплет каламбурами и отпускает пошлые шуточки, чем доводит Катю до белого каления. Иногда я вмешиваюсь, чтобы сбить накал.

Вторая полоса готова. Четвёртая готова. Шестая и седьмая с телепрограммой готовы. Двенадцатая готова. На третьей полосе осталось свободное место.

– Увеличивай фото, – приказным тоном говорю я.

– Будет исполнено, генерал! – отдаёт честь Илья и выполняет приказ.

Перерыв на чай. Едим бутерброды с вкусной колбасой и вкусным сыром. Все довольны, как питоны, проглотившие по паре жирных кроликов. Болтаем о всякой ерунде. О работе – ни слова. *Dura lex, sed lex*.

Перерыв окончен, и снова за работу. Илья верстает, а мы с Катей вносим правки в готовые полосы. Работа кипит. С каждой минутой приближаемся к цели. В начале шестого всё готово. Газета отправлена в типографию, мы сидим на кухне и пьём чай, последний раз за сегодня.

– Чем занимаетесь вечером? – как бы невзначай спрашиваю я.

– Ой, мне бы поспать, – говорит Катя.

Илья качает головой. У него на вечер запланировано «зачатие». Меня всегда удивляла его излишняя откровенность. Что ж, напьюсь в одиночестве. Не первый раз.

– Итак, в этом году нам остался последний номер, – говорю я и устало улыбаюсь. – Давайте постараемся. И да, в следующий четверг устраиваем попойку, хотите вы того или нет. Зарплата тоже в четверг.

6

Я в баре. Он недалеко от дома, так что не боюсь заблудиться и замёрзнуть. В баре царит полумрак. Играет музыка, но не настолько громко, чтобы раздражать. За спиной мерцает светомузыка, и кто-то вроде даже танцует.

Несколько человек сидят за стойкой рядом со мной, несколько столиков занято, но в целом народу немного. Слишком холодно. Вечером температура опустилась до минус тридцати восьми.

Я оптимист. Передо мной стоит наполовину полная бутылка водки, нарезанный ломтиками лимон и солёные крендельки. Роль подноса исполняет старая виниловая пластинка. Пью не спеша, до закрытия бара ещё далеко. Перекидываюсь с барменом едкими шутками. Ничего пошлого или оскорбительного. Немного шуток о женщинах, политике, религии. Всё в рамках дозволенного.

Бутылка наполовину опустела, и лёгкое опьянение туманит разум. Но на самом деле я почти трезв, во всяком случае, мне так кажется. Съедаю очередной кренделёк.

– За маму я уже пил, за папу тоже. Пришло время выпить за сороку-белобоку, – говорю я и опрокидываю рюмку. Морщусь, закусываю лимоном и улыбаюсь. Бармен одобрительно кивает.

Рядом сидит хмурый мужчина. Что-то с ним не так. Он пьёт горькую без закуски и запивки, а самое грустное – без веселья. Мужик залпом выпивает рюмку водки. Я одобрительно киваю и говорю о том, как хорошо, что в этом баре есть и другие люди, понимающие толк в выпивке. Это наш человек, по-настоящему пропащий. Он делает вид, что не замечает меня. Ну и чёрт с ним! Сегодня я веселюсь.

Чувствую потребность отлить. Медленно пошатываясь, иду в туалет и понимаю, что уже изрядно пьян. Возле туалета сталкиваюсь с молодой блондинкой в синей шубке. Неловко извиняюсь и проскальзываю в кабинку. Пускаю струю в до отвратительного белый писсуар. Как хорошо!

«Интересно, сколько ей лет? – думаю я, дёргая ручку смыва. – Прямо Снегурочка. Снегурочка, Снегурочка, сколько за отсос?»

Возвращаюсь к стойке. Надо допить водку и идти домой. Оценивающе смотрю на бутылку и понимаю, что в ней ещё рюмок шесть. Понеслось!

Я не алкоголик, я – пьяница. Некоторые думают, что разница невелика, но это не так. Любой пьющий скажет, что алкоголизм – это болезнь, а пьянство – состояние души. Алкоголик не может остановиться, а я просто не хочу. В конце концов, если бы Бог не хотел, чтобы люди пили, зачем он создал виноград? Впрочем, у меня с Ним личные счёты.

На улице холодно, но теперь во мне пол-литра огня, так что никакому морозу меня не взять. Настроение такое, что хочется неприятностей. Достая фляжку и делаю глоток коньяка.

Надо вызвать такси, но настроение требует идти. Настроение требует искать неприятностей, гопников. Если не встретятся, то чёрт с ними! В ином случае в кармане – последний аргумент в споре с хулиганами: выкидной нож.

Иду нарочито медленно, но вскоре холод заставляет отказаться от излишнего героизма. Даже пьяным я понимаю, что гопникам сейчас не до мобилок. Им бы сейчас в тёплый подъезд да пивка попить.

Достая фляжку и допиваю коньяк. Дома ещё бутылка «Арарата» и бутылка водки.

У моего подъезда стоит девушка. Подойдя ближе, вижу, что это та самая девица из бара, с которой я столкнулся возле туалета. Вот это совпадение!

– Вы должны помочь, – говорит она.

Тупо смотрю на неё. Я пьян и слишком замёрз, чтобы соображать.

– Вам нужно пойти со мной. Я всё объясню.

– И куда? В Тили-мили-трямдию? – заплетающимся языком спрашиваю я. – Ты чувствуешь, какой холод? Надо поговорить? Пойдём ко мне.

– Вы не понимаете. Это крайне важно.

– Это ты не понимаешь. Я замёрз и хочу выпить. Надо поговорить – пошли, если нет, то до свиданья.

Открываю подъезд и впускаю её первой. Затем захожу сам, проследив, чтобы никто не проник следом. Не хватало ещё драки с её сообщником.

Моя квартира на втором этаже. Впускаю её, потом захожу сам. Включаю свет и осматриваю гостью. Снегурочка Снегурочкой. Белые волосы, бледная кожа, синяя шубка, синие, сверкающие, как два аквамарина, глаза.

– Чего как неродная? Раздевайся, – снимая пальто, говорю я.

Она сбрасывает шубку, и под ней оказывается голубой сарафан.

– Иди в гостиную, там диван. А я чего-нибудь приготовлю, тогда и поговорим.

Иду на кухню. Итак, что у меня есть? Пара яблок, банан, кусок сервелата, баночка коришонов, оливье недельной давности, двухлитровый пакет апельсинового сока. Однако недурно. Быстро достаю огурчики на тарелку, мою яблоки и режу каждое на восемь долек, банан нарезаю слайсами, тонко строгаю сервелат. Оливье – в мусорку. Выливаю из пакета полтора стакана сока и заменяю содержимое водкой. Теперь всё хорошо. Несу снедь на подносе в зал.

Она сидит, нервно поправляя сарафан, стараясь прикрыть голые колени. Ставлю поднос на журнальный столик.

– Теперь говори.

Пока она собирается с мыслями, достаю два стакана и наполняю их «отвёрткой». Один из стаканов протягиваю ей.

– Выпей.

Она делает глоток и ставит на столик.

– Не нравится? Это «отвёртка».

– Я просто не привыкла к фруктам, – говорит она.

– Тебе повезло, – усмехаюсь я. – Фруктов там мало, больше воды, ну и водки где-то процентов двадцать пять.

Я ополовиниваю стакан и беру кусочек яблока.

– Вы должны помочь мне.

– Старая песня. Начни сначала. Расскажи мне, кто ты? Кстати, насчёт «Клофелина». Все ценности, деньги и прочее – в сейфе, так что трижды подумай, стоит ли садиться ради пары штук и китайфона.

Она сверлит меня глазами, не зная, с чего начать. Это начинает раздражать.

– В то, о чём я хочу рассказать, сложно поверить.

– А я догадливый. Говори.

– Я – Снегурочка.

Я смеюсь своей догадке. А ведь девочка молодец, с псевдонимом в точку попала.

– Больше трёх не дам, – говорю я. – И всё должно быть по первому классу.

– Вы не поняли. Я на самом деле Снегурочка.

– Внучка Дедушки Мороза?

– Не совсем. На самом деле всё иначе, но в целом да.

– Шикарно! Я так и вижу заголовок в моей газете: «Внучка Деда Мороза промышляет эскортом на просторах Краснозаринска». Согласен, длинновато. Нужно сократить: «Холодный расчёт». Уже лучше.

– Но это правда. Я действительно Снегурочка, и мне нужна помощь.

В её синих глазах стоят слёзы, но поздно. Она меня уже завела, и остановиться я не способен.

Сажусь рядом и, положив ладонь ей на колено, протягиваю стакан.

– Выпей и успокойся, а затем расскажи мне, как так получилось, что Снегурочка оказалась в Краснозаринске. Это Приморский край. Согласись, далеко от Великого Устюга.

Она медленно пьёт, но руку не убирает. Снегурочка...

– Он исчез, – поставив на стол пустой стакан, говорит моя новая сказочная знакомая.

– Он – это Дед Мороз? – допытываюсь я, подливая в стакан коктейль.

– Да. Мы готовились к Новому году. Для нас это самое важное время.

– Конечно, – соглашаюсь я, и моя ладонь поднимается немного выше по бедру.

– Дедушка стал вести себя очень странно, а потом он просто исчез. И мы со...

– Ты продолжай.

– ...снеговиком отправились на его поиски.

После этих слов приходит время выпить мне.

– Со снеговиком? – спрашиваю я, жуя кусок сервелата.

– Да. Он внизу. Можем спуститься и посмотреть.

Смотрю на неё и спрашиваю себя: сумасшедшая она или у неё какая-то скрытая цель? Будь я трезв, то подумал бы, что её подослал глава города, чтобы компрометировать меня. Но сейчас алкоголь выпустил на волю либидо, сдерживаемое ещё несколько часов назад здравым смыслом.

– Дед Мороз, снеговик – всё это очень даже может быть. Я вполне всё это допускаю. Но нужны доказательства.

– Там внизу – снеговик.

– Это несерьёзно. Снеговик при уровне современной компьютерной графики... Любой студент в любом 3D-редакторе сделает такого снеговика, что ахнешь.

– А как же доказать?

Я шурюсь и усмехаюсь.

– Даже не знаю. Может, новогодний подарок?

– Новогодние подарки дарит Дедушка Мороз, – испуганно говорит она.

– Ну, на кое-что способна и ты, – отвечаю я, и моя рука скользит по её плечу. Снегурочка вздрагивает.

– Я не понимаю.

– Да всё ты понимаешь. Хочешь, чтобы я помог найти Дедушку – придётся договориться.

Я встаю. Надо бы душ принять, но, как говорится, куй железо, пока горячо.

Она залпом выпивает коктейль.

Я растёгиваю ширинку и, обхватив её голову руками, притягиваю к себе. Лёгкое сопротивление – секунду, не больше, – и...

А за окном идёт снег...

Глава 2: в которой становится понятно, что не все сделки честны

1

Утро. Я просыпаюсь на помятой простыне голым. Снегурочка сидит в кресле у окна и смотрит телевизор. Она уже одета. В глазах – пустота. Что было вчера? Сволочь я.

Медленно поднимаюсь. Болит голова, и на душе гадко. Наливаю в стакан остатки «отвертки» и жадно пью. Терпкая смесь апельсинового сока и водки на время прогоняет сушняк. Но он вернется. Мне это точно известно.

– Я в душ, а ты сиди здесь, – обращаюсь к Снегурочке и исчезаю в ванной.

Вода горячая, и это хорошо. Пытаюсь восстановить вчерашнюю хронологию. Снял номер, напился, переспал. Без презерватива – косяк. С сумасшедшей – косяк. Черт бы меня побрал. На душе гадко, и хочется провалиться сквозь землю. Но нельзя. Нужно встретить тираж газеты, раздать его большую часть курьерам, а остатки разнести по торговым центрам. А еще надо будет к венерологу сходить. Но не сегодня.

Выхожу из душа голым. Чего уж тут стесняться. Она отводит глаза.

– Ты чего? – спрашиваю я, натягивая трусы.

– Ничего! – резко говорит она.

– Все бывает впервые. С почином, – с наигранной веселостью говорю я, чувствуя себя последней мразью.

Достаю из кошелька три тысячи и, немного подумав, добавляю еще две. Протягиваю Снегурочке. Заслужила. Девочка вроде чистая. Надеюсь. Она смотрит на деньги, аккуратно лежащие на журнальном столике, но не берет их.

– В чем дело? Все было хорошо.

– У нас был уговор, – говорит она. – Сделка.

– О чем? О том, что мы пойдем искать Деда Мороза?

– О том, что я проведу с тобой ночь, а ты поможешь мне.

Я смотрю на нее. Неужели она действительно безумная? Черт. Только этого не хватало.

– И как тебе помочь? Уж прости, но поиски Деда Мороза в мои планы не входят. Я могу написать статью, но поиск сказочных персонажей мне не по душе. Извини. Не существует Деда Мороза, живых снеговиков, лепреконов, русалок, леших, драконов, чертова Ктулху... и Снегурочки тоже не существует.

– Но я-то!

– Ты просто нафантазировала себе все. Мне действительно жаль, что так получилось. Мы встретились в баре. Ты себе что-то там придумала и зачем-то проследила за мной. А дальше...

– Ты использовал меня! – Она почти срывается на крик. Ее синие глаза наполнены яростью.

– Я бы так не сказал. Я использовал ситуацию. В любом случае искать Деда Мороза я не собираюсь.

Она хватает стакан и запускает его в стену. Осколки стекла блестят на ковре. Теперь подметать придется. Затем Снегурка демонстративно встает и, не сказав ни слова, уходит.

Да уж. Вляпался. Доигрался. Что дальше? Полиция? Тюрьма? Срок за изнасилование? Великолепное завершение карьеры главного редактора.

Надо попытаться хоть какое-то время об этом не думать. Может, все и обойдется. Я оптимист, хоть и сволочь.

2

На улице –43 градуса по Цельсию. Идет снег. О небывалом холоде в приморском городе Краснозаринске сообщают по федеральным каналам. Ведущему новостей явно на это плевать, впрочем, как и всему остальному миру.

В полдень привозят тираж. Я помогаю Мише переложить пачки из автомобиля типографии в нашу машину. Он отвечает за распространение газеты. Беру у водителя накладную и прощаюсь.

Мы возвращаемся в город. На дороге пробки. Я не удивлен. Второй день идет снег, а аномальный холод лишь усугубляет положение. Снегоуборочная техника работает на солярке, которая не отличается высоким качеством, поэтому дороги чистят спустя рукава. Черт, куда катится этот мир?

Через пару часов мы приезжаем в город. Я выхожу в центре, оставляя деньги для курьеров Мише. Он человек надежный, проверенный. Четыре пачки забираю с собой. Их нужно разложить по газетным стойкам в крупных магазинах.

Боже, как хочется выпить! Один глоток коньяка мог бы спасти краснозаринского отца демократии и личность, приближенную к главе города. Я достаю из внутреннего кармана фляжку, заботливо наполненную утром коньяком, и рассматриваю ее. Откручиваю крышку. Нюхаю. Волна тошноты комом застревает в горле. Нет. Не сейчас. Я еще не готов.

3

Газеты разнесены по магазинам. Все хорошо. Я иду в банк, чтобы оплатить тираж. В кармане деньги, печать и фляжка с коньяком. Пить не собираюсь. Во всяком случае, не сейчас. Через сорок минут я встречаюсь с Катей. Надо быть трезвым, а потом... хотя глоток коньяка еще никому не вредил.

В банке очередь. Передо мной два человека: молокосос с бородкой хипстера и тучная дама. Молокосос снимает деньги, дама сидит и обмахивается веером.

От нее несет ужасной смесью запахов – дешевых духов и пота. Чувствую, что скоро задохнусь. «Как в такой холод можно потеть?» – спрашиваю я себя, но ответа не нахожу. «Это все обмен веществ», – подсказывает внутренний голос, но я советую ему заткнуться.

Наконец наступает моя очередь. Меня обслуживают слишком быстро. Я протягиваю платежку, девушка минуты две копается в компьютере – и все. Печать, подпись, свободен. Закон Мерфи гласит: «В очереди всех, кроме тебя, обслуживают чрезвычайно долго. Смирись...»

На улицу выходить не хочется. Ветер и холод требуют, чтобы я остался в уютном здании банка. Но надо идти. Обматываю лицо шарфом, покидаю цитадель ростовщичества и моментально замерзаю. Черт бы побрал эти температурные аномалии.

Иду в кафе «Волна». Скоро придет Катя. Испытываю ли я к ней чувства? После смерти жены я долго думал, что никогда и никого не полюблю. Черт, до той аварии я каждое воскресенье посещал церковь. Когда после похорон Светы отец Варфоломей сказал, что пути Господни неисповедимы, я чуть не разбил ему физиономию. С тех пор я потерял веру и стал циником.

Если время не лечит, то, во всяком случае, это хороший анальгетик. Прошло пять лет, и я стал почти нормальным человеком. Разве это не достижение?

К моему рекламному менеджеру я испытываю влечение. В Кате есть те качества, которые должны быть в настоящей женщине. Она умна, расточительна, немного меркантильна и успела повидать жизнь, чтобы не хватать звезд с неба. В ней есть что-то цепляющее, нечто, заставляющее бросать на нее вожаделенные взгляды. Она умеет себя подать.

Хотел бы я жениться на Кате? Да. Есть ли у нас будущее? Не знаю. В преферанс мне везло и с худшим раскладом.

В «Волне» я заказываю выпечку, чай и сырники. У них особенно хороши сырники.

Жду Катю. Она приходит через сорок минут. Мы пьем чай. Катя рассказывает об объеме рекламы в последнем номере года. Я киваю, будто мне действительно интересно, то и дело задерживая взгляд на ее декольте.

Она умница и дело свое знает. Ее зарплата зависит от количества рекламы, так что я не волнуюсь за результат работы.

Мы мило беседуем. Она рассказывает о дочке Ире, о том, как малышка долго не могла заснуть. Я рассказываю, как напился вчера и пытался найти приключения в виде гопников. О сексе со Снегурочкой я, конечно, умалчиваю. Девушке, которую хочешь затащить в кровать, лучше не рассказывать о женщинах, с которыми спишь.

Мы смеемся. Я кладу ладонь на ее руку. Наши взгляды встречаются. Секунда. Она отдергивает руку.

– Глеб Александрович, давайте сохраним рабочие отношения, – говорит Катя, и в ее глазах я вижу отношение ко мне. Работа – и все. Впрочем, на какое еще отношение к себе можно рассчитывать от женщины, которая видит весь твой цинизм и лицемерие воочию? Сволочь я.

– Да не думайте вы ни о чем! Просто дружеский жест, – неумело пытаюсь я сгладить неловкость.

Она улыбается, притворяясь, что ничего не было. Мы нужны друг другу.

Теперь я знаю, что сегодня напьюсь. Отвергнутому мужчине обязательно нужно выпить, иначе он наделает глупостей. Я вспоминаю Снегурочку и понимаю, что хотел бы еще раз переспать с ней. Какие у нее синие глаза!

Мы продолжаем разговор, притворяясь, будто ничего не произошло. Катя рассказывает о новых рекламодателях, которых удалось привести в газету. Очень неплохо. Многие хотят дать рекламу во время новогодних праздников. Отлично.

4

Через час я встречаюсь с метеорологом Андреем Князевым. Мы сидим в тесном кабинете, в котором преобладают коричневые тона. Пахнет дешевыми сигаретами и плохим кофе. Он греет чайник, но я отказываюсь. Если бы я захотел выпить помой, то отправился бы пряником в свинарник. Хотя здесь не лучше.

На пыльном столе неровными стопками лежат документы. Рядом с ними гудит старенький компьютер. У меня возникает ощущение, что последний раз его чистили еще до восстания Спартака. За спиной у Князева висят остановившиеся часы, вынужденные вечно показывать без двадцати пяти семь, и покосившийся портрет президента. Окна зашторены. В кабинете темно. Плотные шторы не пускают солнечный свет. Положение не спасает и тусклая лампа, одиноко торчащая из люстры, с которой свисает пылевая гирлянда.

От Князева исходит резкий запах прокисшего молока. Он бьет в нос, и я стараюсь дышать ртом.

– Хрен его знает, – отвечает он на мой вопрос о причинах аномального похолодания, почесывая щетинистый подбородок. – Мы в циклоне находимся сейчас. Он и не пускает холодный воздух с севера.

– Не пускал, – уточняю я.

– Не пускает. В том-то и соль. Вокруг нас по-прежнему циклон и тепло. А в городе – ниже сорока. Аномалия какая-то.

– И чем она вызвана?

– Не знаю.

– Вы очень помогли, – язвительно говорю я. – А это может быть последствием климатического оружия?

– А разве такое существует? – улыбаясь, спрашивает он.

– Чего только нет на белом свете. Я слышал, что по другую сторону океана, среди нетронутой природы Аляски, стоит система HAARP.

– Чушь! – самодовольно смеется Князев. – Этот проект исследует ионосферу и никаким климатическим оружием никогда не был.

На мгновение у меня появляется острое, почти непреодолимое желание задушить собеседника, лишь бы не видеть эту самодовольную улыбающуюся физиономию. Но я сдерживаюсь. Вот это самообладание.

Я выхожу на свежий воздух. Впервые рад холоду. Иду в редакцию. Прохожу мимо большого снеговика – классического, с ведром на голове, руками-ветками, глазами-угольками и, конечно, морковью вместо носа. «Уж не про него ли говорила Снегурочка?» – думаю я и невесело смеюсь. Надо сходить к венерологу.

Редакция. Я пью нормальный кофе, а не ту гадость, которой меня пытался угостить негодяй Князев. Сажу, закинув ноги на стол. Рядом – бутылка коньяка и тарелка с сыром и колбасой. Работаю над статьей об аномальном холоде.

Итак, что мы имеем? Аномальный холод – это раз. Циклон, который не пускает северный воздух, – это два. Грязного борова-метеоролога – это три. Пропавший ребенок – это четыре. Пропавший Дед Мороз – это пять.

Мне кажется, что я попал в один из выпусков «Сумеречной зоны». Пропавший Дед Мороз многое бы объяснил. Я представил заголовок в газете: «Дед Мороз – источник всех бед». Неплохо.

Не пишется. Надо выпить. Три рюмки коньяка приводят мысли в порядок.

С горем пополам заканчиваю статью. Перечитываю вслух. Ахинея. Ставлю резолюцию: «Принять за основу». Завтра займусь правкой текста.

Раздается стук. В редакцию заходит молодая женщина в норковой шубе. В руках она держит платок, которым утирает слезы. Я немного пьян, но соседку узнаю. Это Анастасия Чижова.

– Глеб Александрович, я хочу дать объявление, – говорит она дрожащим голосом и протягивает сложенный вчетверо тетрадный лист.

– Конечно, – отвечаю я и беру лист в руки. Разворачиваю. Читаю.

«16 декабря пропал мальчик Миша Чижов 7 лет. Был одет в черный пуховик с красным верхом. На левой щеке родинка формой рисового зернышка. Всех, кто может дать хоть какую-нибудь информацию, большая просьба позвонить...».

Простые слова. Ничего вычурного, но сколько в них скрыто боли. Эти строки не вызывают у меня острых эмоций, но где-то в глубине души я что-то чувствую. Может, это моя душа пытается очнуться от долгого сна? Может, она еще жива?

– Сколько я вам должна? – спрашивает Чижова и начинает копаться в сумочке, пытаюсь отыскать кошелек.

– Ничего, – говорю я, но она не слушает и продолжает поиски.

– Анастасия Николаевна, все будет хорошо.

Она смотрит мне в глаза и пытается поверить, хоть сам я не верю в свои слова и знаю, насколько фальшиво прозвучало сказанное мной.

Чижова уходит из редакции. Я сажусь за стол и наливаю рюмку коньяка. «Черт, она видела коньяк. Примет меня за пьяницу», – думаю я и понимаю абсурдность суждения. Во-первых, ей сейчас плевать, кто и чем занимается, – у нее ребенок пропал. Да я мог бы устроить оргию с карликами и пингвинами, она вряд ли глазом повела. Во-вторых, я и так пьяница, так не все ли равно, кто и что подумает.

Включаю компьютер. Набрал текст и сохранив файл, занесу в план будущего номера объявление. Делаю пометки: полоса № 3, выделить.

5

Вечер. Небо прояснилось, и теперь оно усыпано звездами. Разглядываю ковш Большой Медведицы. Интересно, может, там наверху сейчас тоже кто-то смотрит и думает о братьях по разуму? А если Вселенная бесконечна, то где-то есть такой же я. Не повезло Вселенной.

Я навеселе. Это мое любимое состояние, когда еще не пьян, но уже далеко не трезв. Оно называется «серединой реки». Надо в магазин. У «середины реки» есть один недостаток – надо «догнаться». Иначе можно утонуть и не добраться до берега под названием «похмелье».

Захожу во двор. Неподалеку отсюда есть неплохой магазинчик, где помимо выпивки можно купить готовую снедь. Меньше всего мне хочется сейчас готовить. Можно было бы купить пельмени, но их надо варить. А это время. Да и вкус у покупных пельменей оставляет желать лучшего. В составе указаны свинина и говядина, но по вкусу они напоминают бумагу.

Я иду мимо двора и вижу, что дети успели слепить снеговика. Он очень похож на того, что встретился мне днем возле метеостанции. «Наверное, все снеговики похожи друг на друга, как кошки ночью», – думаю я. На мгновение мне кажется, что его голова повернулась и смотрит на меня. Бред. Надо меньше пить.

У магазина стоят четверо парней и курят. Я прохожу мимо них и краем глаза замечаю, что они провожают меня взглядом. Отлично. Вспоминаю, как вчера хотел повстречать гопников. Похоже, «Газпром» был прав, и мечты действительно сбываются. Запускаю руку в карман и понимаю, что нож оставил дома. Вечер обещает быть веселым.

Покупаю водку, пару салатов, колбасу, сыр, хлеб и пачку соли. На выходе бутылку прячу в карман, затем разрываю пакет с солью и сжимаю горсть в кулаке. Этому приему меня научил один друг. Против четверых шансов нет, но против троих... их тоже нет.

Я выхожу на улицу, иду в сторону дома. Великолепная четверка идет следом за мной. Сворачиваю во дворы. Живым не дамся, суки. Гопники не отстают. Стараюсь не торопиться. Куда спешить? Шакалы догонят все равно.

– Братан, закурить есть? – раздается голос за спиной.

– Не курю, пацаны, – отвечаю, пытаюсь сохранить спокойствие в голосе, и продолжаю идти спокойным шагом. Кажется, сердце сейчас разорвет грудь. От адреналина закипает кровь. Бежать нельзя. В душе еще теплится надежда, что все закончится хорошо, но мерзкий голосок в голове советует приготовиться к больничному на пару недель.

Краем глаза вижу, что двое гопников заходят с разных сторон. Окружают. Скоро нападут. Черта с два, угадали.

Сворачиваю к первой попавшейся двери. Один из гопников хватает меня за руку.

– Братух, сколько времени?

– Может, тебе еще рассказать, как в библиотеку пройти? – я бросаю ему соль в глаза.

Он отпускает мою руку и начинает кричать.

– Ох! Он мне глаза выжиг! Сука!

– Да мы тебя уроем! – орут остальные. Как будто это и так не входило в их планы. Но я так просто не дамся. Может, меня сегодня и побьют, но и я крови пушу.

Я прижимаюсь спиной к двери, защитив тыл, и выбрасываю пакет с продуктами. Достаю бутылку и, держа за горлышко, разбиваю о железную дверь. Водка обливает руку. Один осколок вонзается в кисть, но боли я не чувствую – слишком много адреналина в крови. Не чувствую я и холода.

Я вытягиваю вперед руку с «розочкой» и размахиваю ею перед собой.

– Кто, сука, первый? – кричу я как можно громче. – Кому кровь пустить?

Желающих нет. Пока. Я прекрасно понимаю, что перевес на их стороне и вскоре они придумают, как меня достать. Черт, я размахиваю разбитой бутылкой и уже понимаю, что любая палка сможет решить исход битвы не в мою пользу. А вот останусь ли я после этого жив? Может, следовало отдать им телефон и кошелек? Поздно рассуждать.

– Мы тебя уроем. Ты уже труп. Ты как там, Серега?

– Чёрт! Этот гондон мне соль в глаза кинул, – отвечает Серега, протирая снегом лицо.

– Брось бутылку. Давай нормально побазарим. Тут непонятки какие-то, – говорит один из гопников и, подняв руки вверх, демонстрируя, что оружия нет, медленно приближается.

– Я сейчас бутылку тебе в рожу кину!

– Да что мы втроем с этим утырком не справимся? – говорит самый агрессивный, и я понимаю, что потерял преимущество и сейчас они пойдут в наступление.

Вот и пришел бесславный конец Смирнова Глеба Александровича, главного редактора газеты «Дальневосточный оракул». И что обо мне скажут? Он был выдающимся пьяницей?

Они приближаются. Обходят меня с разных сторон. Гопники напоминают гиен, выжидающих лучшего момента для удара – решительного и беспощадного. Твари. Еще минута, две – и все... Пусть так, но просто так я им не дам. Не на того напали.

Внезапно двор освещают фары автомобиля. Это полицейская машина. Боже! Никогда я не был так рад ментам. Храни Господь российскую полицию!

Гопники подхватывают раненого товарища и спешно убегают. Я тяжело дышу. Выкрутился. На этот раз повезло, и кавалерия пришла вовремя.

Автомобиль ровняется со мной. Из него выходит высокий круглолицый полицейский и густым басом говорит:

– Что тут творится?

– Все нормально. Вы вовремя, – отвечаю я и понимаю, что до сих пор держу в руке «розочку». Бросаю ее в снег и вижу, что из кисти торчит осколок. Мне в голову приходит мысль о том, как прекрасно, что водка дезинфицирует, – иначе я мог бы заработать заражение крови. Я достаю осколок и обматываю рану носовым платком.

– Я еще раз спрашиваю, что тут происходит? – грозно говорит полицейский, когда я заканчиваю с перевязкой. Платок мгновенно темнеет, пропитываясь кровью.

– Вы спасли меня. Здесь были гопники.

– А ну-ка, дыхни!

Черт. От гопников меня спасла полиция, но кто меня спасет от полиции? Я повинуюсь. Он недовольно покачивает головой.

– Распиваем. Хулиганим.

– Самозащита, – безуспешно пытаюсь оправдаться я.

– Садитесь в автомобиль, товарищ.

Мне остается только подчиниться. В автомобиле хотя бы тепло, а я промерз до костей. «Товарищ». Советского Союза нет уже тридцать лет, но его эхо по-прежнему звучит громко и грозно.

6

В отделении меня просят вывернуть карманы, спрашивают имя, место работы, должность. Заставляют расшнуровать ботинки и вынуть ремень. Затем меня запирают в обезьяннике. Я вяло протестую, но дежурному плевать.

В соседней клетке спит бомж. Хотя кому-то хорошо. Запах давно немывтого тела проникает в мою камеру. Но ничего не поделаешь. Надо терпеть. Я сижу на нарах, так как лежать на них невозможно. Это само по себе пытка.

Заходит дежурный, и я спрашиваю, когда меня отпустят. Он отвечает, что отпустят, когда придет участковый и будет составлен протокол об административном правонарушении.

Значит, сидеть мне в отделении до утра в компании бомжа и собственных мыслей. Может, это даже и неплохо. Думать – всегда хорошо. Я пою песни Егора Летова.

А Снегурочка заявление не написала. Зря я с ней так. Может, надо было выслушать, посмотреть на снеговика. Возможно, это ее успокоило бы. Внезапно понимаю, что не знаю настоящего имени девчонки. И она моего, кстати, тоже.

И все же есть ли между пропажей ребенка и аномальным холодом какая-то связь? Вечером пропадает мальчик, а ночью начинается холод. Бред. Ощущаю себя одним из тех идиотов из безумных телепередач о загадках Вселенной, которые рассказывают о рептилоидах с планеты Нибиру. И все же что-то мистическое во всем этом присутствует. Природная аномалия.

Хмель выветрился вместе с адреналином, и я размышляю, как лучше поправить статью. В итоге прихожу к выводу, что проще ее будет написать заново, чем переделывать старую. Сейчас бы ноутбук, пока мысль не пропала.

Заходит дежурный. Он открывает клетку и говорит, чтобы я выметался. Спрашиваю об участковом, но он говорит, что никакого участкового не будет, и выгоняет меня. Пропал второй ребенок.

Я выхожу на улицу и вызываю такси. Домой поеду на машине. Хватит с меня на сегодня приключений.

Глава 3. Из которой мы узнаем, почему по счетам нужно платить

1

До трех часов ночи я пишу статью. Пишу, правлю, поглощая кофе литрами. Мне хорошо. Сердце просит сделать перерыв, но я знаю, что остановка подобна смерти. Остановишься – и потеряешь мысль.

Рука болит. Кисть распухла, но, благо, пальцы целы. Чертовы гопники, никак не могу выкинуть их из головы.

Будильник заведен на семь. Надо пораньше встать, чтобы встретиться с начальником полиции Федоренко. Пропал еще один ребенок. Это уже не совпадение, а статистика. Возможно, в городе завелся маньяк. Хорошая может получиться статья.

Засыпаю в четыре. Через три часа – на ногах. Привожу себя в порядок душем и чаем. Сначала чай, потом душ, потом снова чай. Кофе не пью. После пьянки он усиливает перегар, так что от него придется отказаться до вечера. После душа ищу аптечку. В ней должен лежать бинт. Её нигде нет, даже в холодильнике. Обыскав всю квартиру, наконец нахожу аптечку на антресоли.

Срезаю платок кухонным ножом. Вряд ли его удастся отстирать от крови. Сначала промываю рану водой, потом протираю водкой. Щиплет, но порез обработать надо. Рана открывается и начинает кровить. Черт. Еле-еле забинтовываю кисть. Бинт плохого качества, он расползается на нити, но другого все равно нет. Скорее всего, к обеду повязка ослабнет и придет в негодность. Надеюсь, к тому моменту кровь перестанет идти.

В девять тридцать звоню Федоренко. Прошу о встрече. Он пытается отказаться, но я настаиваю, уверяя, что людей надо успокоить, иначе может начаться паника. В трубке – молчание. Оно длится слишком долго. Наконец Федоренко говорит, что готов встретиться сегодня после обеда. Торжествуя, я кладу трубку.

Однако на кой черт я проснулся так рано? Надо выпить и лечь поспать еще хотя бы часа два.

2

Я пью кофе в кабинете Федоренко. Он смотрит на меня с недоверием. Впрочем, он на всех смотрит с недоверием. Видимо, эта привычка выработалась за время работы в полиции. А может, во время войны. Когда-то он воевал в Чечне, но говорить об этом не любит.

– Как дела? – спрашиваю, пытаюсь завязать разговор.

– Холодно.

– Аномальный холод, – соглашаюсь я. – Сегодня ниже сорока пяти. И потепления не ожидается.

– Крепкая погода, – говорит он, отпивая кофе. – За что тебя вчера приняли? Писать не будешь про ментовской беспредел?

– На меня гопники напали. Твои архаровцы мне жизнь спасли. Знаешь, лучше несколько часов на нарах, чем переломанные кости и смерть на холоде. Так что... Просто маленькие неудобства.

Он улыбается. Я тоже. Начало положено.

– Кто пропал? – спрашиваю я.

Федоренко достает сигареты и закуривает. Он долго, не отрывая взгляда, смотрит мне в глаза. Наконец говорит:

– Зачем тебе? Сенсацию ищешь? У людей горе. Кроме того, детали следствия сообщать не имею права.

Я закусываю губу. Думал, контакт наладил? Пью кофе. «Эгоист». Неплохо для растворимого. Кроме того, его название хорошо раскрывает мой характер.

– Я все равно через час все сам узнаю. И сенсация тут ни при чем, – вру я. – В городе за два дня исчезли два ребёнка. Людей нужно успокоить. Объяснить, что ситуация находится под контролем. Или я ошибаюсь?

– Ублюдок ты, – затушив окурочек в пепельнице, сделанной из раковины морского гребешка, говорит Федоренко. Его прямота мне всегда импонировала. Я ехидно улыбаюсь. Не хочу, но ничего не могу с собой поделать.

– Да. Но ты ведь понимаешь, что со СМИ нужно дружить? Мы формируем реальность. И это я без шуток. Какой-нибудь пузырек с сахарной пудрой, которым помашут перед впечатлительными людьми, пара сюжетов в новостях, и вот бравые американские морпехи загорают на солнечной иракской земле. Газета в маленьком городе может показать, что полиция стоит на страже закона или задать неудобные вопросы. Очень неудобные.

– А правоохранительные органы могут посадить в клетку какого-нибудь зарвавшегося редакторишку.

– Могут. А вот краевых друзей зарвавшегося редакторишки, которые поднимут вой о притеснении свободы слова, посадить правоохранительные органы не смогут, – я делаю паузу, чтобы отпить кофе. – Хорошо, что у нас таких проблем нет.

– Согласен.

Этот раунд за мной. Вскоре мы находим взаимопонимание, и Федоренко дает комментарий. Ничего серьезного, просто несколько строк о том, что у полиции все «тип-топ». Если «тип-топ» – это два пропавших ребенка за одну неделю, то я – Мохаммед Али.

3

Выхожу на улицу и вижу Игорька – моего старого приятеля. Когда-то мы вместе учились на журфаке, но его после первого курса исключили. Потом он попал в армию, а теперь работает в полиции. Игорь переминается с ноги на ногу и нервно курит.

– Привет, Игорь. Как дела?

– А, здорово. Да так, – у Игоря маленький словарный запас. До сих пор не понимаю, как он умудрился поступить на журфак. Впрочем, еще больше удивляет, что он выбрал именно журналистику. Работа со словом – не его конёк.

– А что с делом о детях?

– Бошки нам снесут, если этого Деда Мороза не поймает, – он бросает окурочек в снег.

– Какого Деда Мороза? – внезапно меня охватывает дрожь. Я вспоминаю слова Снегурки.

– Я ничего не говорил.

– Да ладно тебе, Игорь. Ты ведь знаешь, я своих не сдаю. Да и не собираюсь я ситуацию нагнетать. Просто интересно.

– Свидетели нашлись. Говорят, похититель был в костюме Деда Мороза. Урод, больной, – Игорь нервно давит окурочек ботинком.

– Ладно. Не болей. Мне пора.

Я иду в центр. Под ногами поскрипывает снег. Нет, Игорь не разведчик. Из него бы осведомитель получился первоклассный. Будь я шпионом, тянул бы из него сведения с той же легкостью, с какой Казанова соблазнял женщин. Впрочем, Игорь глуп и никакой важной информацией не обладает. Так что для меня он бесполезен.

Утром светило солнце, а теперь небо затянули грузные свинцовые тучи. Вечером или ночью пойдет снег. Может, это и хорошо. Может, станет теплее.

И все же что это значит? Детей похитил человек в костюме Деда Мороза. Не связано ли все это со Снегуркой? Зря я ее прогнал. Она что-то говорила про него. Но сделанного не воротишь.

Воображение рисует мне слегка безумную картину, но объясняющую практически все. Живет себе поживает семейка психов. Муж с женой, отец с дочкой, дед с внучкой – неважно. Важно то, что больная фантазия заставляет их верить, будто они – Дед Мороз и Снегурочка. Живет себе такая сказочная парочка и никого не трогает. Но вот у гипотетического папаши окончательно сносит башню, и теперь он уже не безобидный старичок в красной шубе, а чертов Ганнибал Лектер и Зодиак в одном лице. А условная дочка, сохранившая остатки разума, пытается его найти и образумить. В этот момент я ей и попадаюсь.

Хорошая теория. Беда в том, что никак ее не проверишь. Врачи информацию о пациентах никогда не откроют. Или откроют, если денег дать? Нужно попытаться.

Иду в ближайший алкомаркет. Покупаю там бутылку хорошего коньяка и коробку дорогих конфет. Тут продешевить нельзя. Впрочем, если откажут, коньяк не пропадет. Найду применение. Вызываю такси – и в психдиспансер. Только бы не оставили на лечение. Хотя, может, это не так и плохо. Халявная еда, и за квартиру платить не надо.

4

В психушке тепло и даже уютно. Она недалеко от ТЭС. «Интересно, здесь хорошо кормят?» – думаю я, разглядывая стены, выкрашенные в пастельный оттенок зеленой краски. Размышляю о том, согласился бы я жить в таком заведении, и прихожу к выводу, что нет. Слишком мало свободы, да и пить нельзя. А это никуда не годится.

Я сижу на потертой кушетке и жду главврача. Людмила Павловна должна прийти с минуты на минуту. Но пока ее нет. Рядом стоит черный полиэтиленовый пакет с бутылкой пятизвездочного «Аралата» и коробка конфет «Рафаэлло». Что касается коньяков, то я предпочитаю трехзвездные. Опыт показал, что их реже подделывают. Впрочем, это частное мнение и ничего больше.

Мимо проходит симпатичная медсестра. Провожая ее взглядом, задерживаясь на попе. Откуда в психушке симпатичные медсестры? Я бы не отказался закинуть ее ножки на плечи.

– Сколько времени? – неожиданно говорю я ей вслед.

Она останавливается и недоуменно смотрит на меня.

– У меня дата на телефоне сбилась, – поясняю я. Конечно, это ложь.

– Тридцать пять минут пятого.

– А вы давно тут работаете? – спрашиваю я просто, чтобы привлечь внимание.

– А вы зачем интересуетесь?

Я смеюсь. Типичный ответ краснозаринца. Еще пять лет назад город был закрытым. Здесь был военный аэродром Тихоокеанского флота. Но теперь его ликвидировали, город открыли, но менталитет у населения остался. Никому не доверяют. И как это вылечить? Лоботомия?

– Вы понравились мне. Вот я и решил завести разговор, – признаюсь я. Честность – лучшая политика, конечно, если нет необходимости врать.

– Так вы ловелас? – улыбается она.

– Нет. Обычный главный редактор собственной газеты, – я отмечаю, что кольца на безымянном пальце нет. Хороший знак.

– И какая же у вас газета?

– «Восточный рубеж». Читали?

– Я не читаю газет.

– Эх, никто не читает газет. Чертов профессор Преображенский, чтоб его Воланд в ад утащил! – наигранно возмущаюсь я, и она хихикает, прикрывая рукой усмешку. Я замечаю на руке тагуировку – летучую мышь. «Уж не готка ли она?» – думаю я, разглядывая волосы цвета вороньего крыла, ногти, выкрашенные в черный цвет, кулон в виде пентаграммы на груди. «Скорее, неосатанистка», – делаю вывод и начинаю обдумывать, как выстроить дальнейший разговор, чтобы затащить ее в кровать.

– А как вас зовут?

– А как вас?

– Меня Глебом зовут. Глеб Смирнов. А вас как?

– А я Мария Тихомирова, – отвечает она и улыбается. – Вы знаете, скоро придет Людмила Павловна. Может, обменяемся номерами и созвонимся?

Такой удачи я не ожидал. На ловца и зверь бежит. «Слишком легко», – шептал тот недоверчивый скептик, живущий внутри каждого человека. Но кто я такой, чтобы отказываться от манны небесной, неожиданно свалившейся на мою голову?

Мы обмениваемся номерами, и она уходит по делам, легко и грациозно, словно бабочка. Блядский черный махаон.

Спустя пятнадцать минут появляется Людмила Павловна. Высокая, худосочная и уже увядающая женщина. Она меряет меня презрительным взглядом. Да, разговор не заладился. Ужинать я буду коньяком и «Рафаэлю».

Мы заходим в кабинет, и она с порога заявляет, что давно должна была уйти с работы, но задержалась, и только поэтому вынуждена тратить на меня время.

Я пытаюсь завязать разговор, но особых иллюзий не питаю. Итак, ясно, что битва проиграна, так почему бы не выйти из нее с минимальными потерями?

Естественно, она отказывается сообщить информацию о пациентах. Чего-то подобного я и ожидал. Несолоно нахлебавшись, я покидаю пристанище душевнобольных и молодежи, косящей от армии. Во всяком случае, коньяк еще со мной.

5

Вчерашний инцидент заставляет заказать такси. Пусть верный железный конь всего за сто двадцать рублей домчит благородного рыцаря к родовому замку, который он снимает за пятнадцать тысяч.

Усталость, накопленная за неделю, дает о себе знать. Хочу принять теплую ванну, выпить пару таблеток ибупрофена и включить старый ужастик прямым из восьмидесятых. «Кошмар на улице Вязов» подойдет как нельзя лучше. Чертов маньяк, прожаренный до хрустящей корочки, убивающий тупых подростков. Что может быть более умиротворяющим?

Машина въезжает во двор. Я осматриваюсь и не вижу ничего подозрительного. Хоть что-то хорошее. Может, сегодня обойдется без приключений.

Расплачиваюсь с водителем и выхожу на мороз. Темнеет. Начинает идти снег. Провожая уезжающий автомобиль взглядом. Пора домой.

Иду к подъезду и вижу ее. Ба, да это моя старая знакомая – Снегурочка! Вот это удача. Не зря говорят, что на ловца и зверь бежит. Я подхожу к ней.

– Здравствуй, внученька, – улыбаясь во весь рот, говорю я.

Она презрительно молчит.

– Все еще ищешь дедушку? – продолжаю я. – Я готов помочь. А где твой друг – снеговик?

– Я здесь, – раздается голос за спиной.

Что-то с этим голосом не так. Он мерзкий, скрипучий, похож на звук, который раздается, когда идешь по снегу. Словно кто-то наступил на наст.

Я поворачиваюсь и вижу перед собой снеговика. Да, это снеговик. Ветки вместо рук, угольки-глаза, морковь, ведро, шарф. Я вспоминаю, что видел его уже дважды вчера. Это точно тот самый снеговик. Вмятина на ведре свидетельствует об этом.

Снеговик смотрит на меня. В это трудно поверить, но он смотрит. Существо наклоняет голову и ухмыляется. Его рот сделан из снега, но, ей-богу, он ухмыляется! Вместо зубов в широком рту торчат иголки тонких сосуллек, и когда он улыбается, то выглядит чрезвычайно хищно. Совсем непохож на того доброго снеговика из старых советских мультфильмов. Скорее это чудовище, сошедшее со страниц романа Стивена Кинга.

Он поправляет съехавшее набок ведро ветками и говорит:

– Что вылупился?

И я теряю сознание.

6

Когда я был маленьким, то верил в чудеса. Лет до семи. Потом увидел, как мама кладет подарки под елку. Затем начались девяностые, и стало не до сказок. Кто-то творил настоящие чудеса, доставая деньги из воздуха, а кто-то еле сводил концы с концами. Помню, как повесился наш сосед, когда узнал, что жена работает в соседнем городе проституткой.

Пять лет назад, когда моя беременная жена погибла в автоаварии, я потерял веру в Бога. Я стал закоренелым материалистом и оброс коростой атеизма. Горе научило меня пропускать через призму скептицизма всю поступающую информацию. Бога нет, чудес нет, нет ничего, выходящего за границы учебника по физике за 9-й класс. Так я думал до этого момента.

Меня приводят в чувство хлесткие удары по лицу. Это удары ветками. В глубине души я еще надеюсь, что сейчас открою глаза и очнусь дома в теплой постели, но, открыв глаза, вижу склонившееся надо мной рыло чудовищного снеговика.

Он смотрит на меня и злобно хихикает. Звук такой, словно кто-то вилкой скребет по тарелке.

– Я, видимо, сошел с ума, – говорю я, поднимаясь на ноги.

– Можно подумать, ты когда-нибудь был в своем уме, – скрипит Снеговик.

– Идите к черту, оба! – Я не собираюсь терпеть все это безумие. Желание выпить становится сильным как никогда. Может, позже, в тепле, я обдумаю произошедшее, но сейчас мне просто надо выпить и постараться забыть об этой галлюцинации.

Эта мысль словно спасательный круг, я хватаюсь за нее, пытаюсь сохранить остатки рассудка. Последняя неделя была непростой, много переживаний, вот мозг и пытается поиграть со мной. Снеговик, какой вздор! «Хорошо, что дура-врачиха не взяла коньяк». – Эта мысль согревает.

Возле входа в подъезд я останавливаюсь и начинаю шарить по карманам в поисках ключей.

– Не это ищешь? – спрашивает Снеговик, раскручивая на ветке связку ключей.

– Отдай! – кричу я.

Снеговик дьявольски смеется и глотает их. Ублюдок!

– Отдам, когда поможешь, – мне еще никогда ультиматум не ставил снеговик. – У вас была сделка, и ты нарушил условия. Девку попортил и решил, что можешь легко отделаться. Не с теми связался, мальчик.

Это точно. Но я даже в пьяном бреде не мог себе представить, что мне придется устраивать разборки со сказочными персонажами.

– Что вам от меня надо? – спрашиваю я.

– Я уже тебе говорила. Нам нужна помощь, – вмешивается в разговор Снегурочка.

– Да, я помню. Вы хотите, чтобы я помог найти Деда Мороза. Но почему я? Я вам на кой ляд сдался?

– На все есть причина.

Я пытаюсь броситься на Снеговика, но, несмотря на кажущуюся неповоротливость, он легко уклоняется от моего броска. И впервые я вижу, как это существо двигается. В старых мультфильмах снеговиков изображали гуманоидами. Обутые в валенки, они передвигались как люди, немного неуклюже, словно толстяки на катке. Эта тварь двигается совершенно иначе. Она напоминала роликовый дезодорант. Двигалась лишь нижняя часть ее тела, голова и туловище оставались неподвижными. Она каталась на огромном снежном шаре, как на гигантском подшипнике.

Уклонившись от моей атаки, Снеговик толкает меня в бок, и я неуклюже падаю в сугроб. Он смеется.

– Тебя отделала куча снега, – говорит он, и я вынужден признать справедливость его слов. – А если ты не пойдешь с нами, то я тебя тут похороню.

– Конечно, – поднимаясь, говорю я. Холод окончательно лишает меня сил сопротивляться. – И куда нам идти? Надеюсь, в ближайший бар, где много выпивки и горячие батареи.

– За город, – скрипит Снеговик.

– Идите-ка на хер! Думаете, я сдохну от холода? Хрен вам! Согреться я смогу в любом магазине, а потом заночевать у друга. А завтра пойду к слесарю, чтобы вскрыть дверь. А вот в гребаном лесу я точно загнусь. Так что удачи вам с поисками сраного Деда Мороза, а я – в кабак.

Снегурочка прижимается ко мне всем телом. Она обнимает меня и целует. Острый язычок раздвигает мои губы. Происходит что-то странное. Я чувствую, как тепло разливается по всему телу. Это необычное тепло, которое исходит изнутри. Словно в душе разгорелся огонь. Меня охватывает легкость. Я чувствую себя воздушным шаром, заполненным гелием. Холод отступает. Как хорошо и...

Снегурочка отстраняется от меня. На моих губах остался ее вкус. Вкус яблок на свежесвыпавшем снеге. Мне приходит странная мысль: «А чистила ли она зубы после той ночи?»

По всему телу я ощущаю странную легкость и небольшое головокружение, будто, выйдя из задымленной комнаты, вдохнул чистого кислорода. Но главное – теперь мне тепло. Не знаю почему, но тепло. Не так тепло, как бывает после пробежки. Совсем иначе. Мне хорошо, будто я нахожусь в теплой комнате. Будто на улице температура воздуха не опустилась ниже –45.

7

– Лучше? – спрашивает Снегурочка, и я не могу сдержать улыбку, вспомнив глупую рекламу шоколадных батончиков.

– Определенно. Что это было?

– Твой ограниченный умишка идиота не сможет понять... – начинает грубить Снеговик, но я его резко останавливаю.

– Может, тогда отдашь ключи, и я пойду домой? Или вам нужна помощь?

Он замолкает и замирает. Мимо проходит парочка. Они смеются и весело о чем-то говорят. «Черт. Хоть кому-то хорошо сейчас», – ловлю я себя на мысли и понимаю, что мне тоже сейчас хорошо.

Как только парочка скрывается за углом дома, Снеговик опять оживает.

– Что ты со мной сделала? – спрашиваю я и беру ее за руку.

– Я дала тебе нечто большее, чем тогда, – смущенно говорит она. – Я дала тебе часть себя. Теперь ты такой же, как и я.

– Снегур, – смеюсь я и вижу в сумраке подступающей ночи, как устало выглядит ее лицо. Нет. Позавчера я думал, что ей не больше двадцати, но сейчас Снегурочка выглядела на все тридцать. Морщинки в уголках губ, гусиные лапки у глаз. И глаза. Они потускнели. Что-то явно было не так. А вот я себя чувствую просто великолепно. Все чувства обострились, особенно зрение. Теперь даже темнота мне не помеха.

– Можно и так сказать. Но через несколько часов все пройдет.

– Ты выглядишь усталой. Это из-за того, что случилось?

– Нет, – говорит она, и в ее голосе явно слышна ложь. – Просто надо найти дедушку, и тогда все будет в порядке.

– Как мы попадем в лес? – спрашиваю я.

– Мы поедем на такси, – отвечает она и добавляет, увидев удивление на моем лице. – Ты же не думал, что нам придется идти?

– А как же Снеговик?

– Он всего лишь снег. А снега сейчас везде полно. Во всяком случае, в лесу его хватит.

Глава 4. В которой много снега и странное место

1

Наст хрустит под ногами. Идти тяжело. Ноги проваливаются в снег по колени, но это ничего. Главное – отойти подальше от дороги. Так сказала Снегурка. В руках она держит ведро, из которого выглядывают шарф и морковь. На дне бренчат угольки. Наст царапает ее ножки. Пусть с холодом она умеет справляться отлично, а вот одеться соответствующе прогулке не догадалась.

Холод, кажется, не просто отступил, а исчез. Так хорошо я себя не чувствовал с самого детства, когда еще не успел пропитаться цинизмом, как губка водой.

За городом туч нет. Высоко в небе луна светит серебряным холодным светом. Здесь вообще все по-другому. Словно попал в сказку.

Когда я последний раз был в лесу? Восемь лет назад. Я был со Светой. Мы собирали грибы. Искали под мягким ковром опавшей листвы лисички и рыжики. А потом я наступил на осиное гнездо. Боже, так быстро я никогда не бегал! Потом весь вечер у меня держалась температура. В тот день я нашел три гриба.

– Все, – задыхаясь, говорит Снегурка. – Достаточно далеко от трассы. Наконец-то.

Я достаю из внутреннего кармана коньяк, делаю глоток. Странно, холода я не чувствую, но на коньяк это не распространяется. Он обжигающе холодный. Прекрасно. Протягиваю бутылку Снегурке.

– Выпей.

– Я не замерзла.

– А пьют не только чтобы согреться, – усмехаюсь я.

Она делает глоток и заливается кашлем. Попало не в то горло. Ничего. Бывает. Забираю бутылку.

Снегурочка откашливается.

– Что дальше? – спрашиваю. Она не отвечает. Достает из ведра морковь, шарф, угольки и кладет останки снеговика на наст. И ничего не происходит.

– Похоже, зря мы Снежка грохнули, – я решил звать снежного монстра Снежком. В детстве у меня был кот с таким именем.

– Подожди. Ему надо дать время, – говорит она. И мы ждем. И ничего не происходит. Ведро уныло поблескивает в свете луны. Морковь торчит из снега, как эрегированный фаллос. Красный вязаный шарф темнеет на белом наст. Рядом с ним лежит россыпь угольков. Ничего не происходит.

Где-то ухает филин. Так глухо и так громко. В морозном воздухе звук разносится на километры.

– Так говоришь, снег есть везде? – ехидно спрашиваю я и сажусь на снег. Мне надоело ждать чуда. Черт с этим снеговиком. Ей-богу, не плакать же из-за кучи снега.

– Нужно подождать еще немного, – говорит она, но в голосе ее былой уверенности и след простыл.

– Что твой Дед Мороз тут забыл? – спрашиваю я не для того, чтобы получить ответ, а чтобы отвлечь девочку от дурных мыслей.

– Не знаю. Он где-то в городе. Я это точно знаю.

– Из-за детей? – я стараюсь сохранять голос ровным и никак не выдать волнение. Похоже, мне это удастся.

– Да. Это он похищает их.

– Зачем? – продолжаю допытываться я. Журналист всегда остается журналистом. Как бы цинично это ни звучало.

– Я точно не знаю. Это вне моих знаний, – говорит она, и я слышу дрожь в ее голосе. – Это каким-то образом связано с его прошлым. Он не рассказывал. А я не пыталась узнать.

– Сколько тебе лет?

– Около ста. Я не считала.

Ее ответ приводит меня в ступор.

– Но разве ты не должна быть старше? Если ты Снегурочка? Как же так?

– Все непросто. Очень непросто. Возможно, до меня были другие Снегурочки. Я точно не знаю, но помню, что появилась в тридцатых. Снеговик пришел позже. Лет через двадцать. У Деда Мороза были и другие помощники, говорящие звери, живые игрушки, но они давно стерлись.

Я выпиваю коньяк. Эту информацию следует переварить. Моей Снегурке меньше ста лет. Тридцатые годы. А Снежок и того моложе. А сколько лет Деду Морозу? Мне в детстве казалось, что он должен быть старым, ужасно старым, возможно, ровесником мира. А когда он появился в массовой культуре? Как раз в тридцатых. Вроде еще в девятнадцатом веке Дед Мороз появился в сказках, но популярность пришла как раз на советские годы. Сейчас его уже почти вытеснил западный Санта-Клаус, который выполняет схожие функции, только у него нет Снегурочки, зато куча эльфов и упряжка с оленями.

Мне приходит мысль, что вполне возможно, я сейчас лежу на кушетке в психиатрической клинике. Это бы объяснило разом все странности. Но если даже так, разве от этого что-то меняется? Если я в психушке, то изменить ничего не могу, так не лучше ли плыть по течению?

– Безумие, – говорю я, убирая бутылку во внутренний карман.

Луна прячется за рваным облаком. Мы ждем уже больше часа. Я достаю мобильник и вижу, что батарея почти разряжена. Двадцать первый век немыслим без связи. В девяностых мобильники казались чем-то волшебным. Теперь почти каждый носит в кармане маленький компьютер. Прогресс неумолим.

Бутылка почти опустела, и я чувствую, что легкое опьянение вскружило мне голову. Пью третий вечер кряду, не ново и далеко не рекордный запой, и все же есть повод задуматься.

– Слишком рано. Он не должен был... – говорит она. – Нам придется идти вдвоем.

Я поднимаюсь, оттряхиваю снег с брюк. Снег рыхлый и легко ссыпается с ткани, почти не оставляя следов. Мы двигаемся в путь. После отдыха я чувствую прилив сил, а вот Снегурка явно не ожидала кончины Снежка. Она идет медленно, понуро опустив голову. И это тоже пройдет. Именно эту надпись увидел царь Соломон на внутренней стороне кольца, когда в порыве гнева бросил его.

Далеко мы уйти не успеваем. За спиной раздается звук. Хруст. Словно кто-то наступил на наст. Мы оборачиваемся и видим, как снег под ведром приходит в движение. Вначале ломается твердая корка. Снег поглощает угли и морковь. Ведро начинает подниматься под образующимся холмиком. Сугроб растёт. Какая-то неведомая сила стягивает снег, лежащий вокруг ведра, в одну кучу. Вскоре под ведром вырастает огромный шар. Я догадываюсь, что это подвижная часть, тот шарнир, который отвечает за движения снеговика. Теперь начинает формироваться верхняя часть и голова. Я не могу оторвать от этого зрелища взгляда. Это безумие.

Минута, другая – и все заканчивается, наконец все застывает. Снег перестает двигаться. Снеговик не шевелится. На месте лица появляется морковь. Она медленно вырастает из головы Снежка. Вслед за ней появляются угольки на месте глаз. Еще мгновение – и Снеговик шевелит головой. Что-то в его образе не так.

Снегурка бросается к нему и заключает его в объятия. Она целует снежные щеки, а он смеется скрипучим смехом.

– Я думала, что тебе конец!

– Не дожدهшься, девочка. Но мне пришлось нелегко. Связь почти разорвана. Надо торопиться.

И вдруг я понимаю, что не так со Снежком – у него нет рук. Ветки Снегурочка забыла в городе.

2

Теперь идти гораздо легче. Снеговик катится впереди, расчищая путь, делая достаточно глубокую колею. Хорошо иметь в друзьях сказочного персонажа.

Руки у него теперь пихтовые. Лес хвойный. Снежок постоянно жалуется, что они чешутся из-за иголок. Интересно, как может чесаться древесина?

Я спрашиваю, долго ли идти, мне отвечают, что нет. Не верю. Легкость ушла, и вернулся мой лучший друг и вечный спутник – цинизм. Жаль, закончился коньяк. И зачем я согласился с ними идти? И где ключ, если все остальные предметы Снегурка забрала с собой? Дьявол! Наверное, там, во дворе. Я спрашиваю, и она подтверждает мои подозрения. Я ругаюсь, но Снежок разумно замечает, что никому и в голову не придет искать их в куче снега. Его слова не успокаивают.

Чувство опьянения сходит на нет. А ведь сейчас я мог находиться дома. Пить коньяк и смотреть какой-нибудь глупый сериал. А вместо этого ташусь по лесу, черт знает где. Вот они – побочные эффекты поцелуя Снегурки. К дьяволу их всех.

Вдалеке пронзительно воет волк.

– Мы почти пришли, – услышав его, сообщает Снежок.

– В пасть к серому волку. Или это добрый дедушка Мороз похищенным детишкам новогодние песенки поет? – язвлю я. – Черт, может, он вообще обычный педофил в красной шубе.

– Он – само добро, но тебе, циничной морде, этого не понять, – скрипит Снеговик.

– Куда мне до тебя, Снежок.

– Заткнись и не называй меня так.

– А то что? Съешь ключи? Могу дать пустую бутылку из-под коньяка? Хотя, о чем это я? Она осталась там, неподалеку от трассы, где мы ждали, пока ты соизволишь материализоваться. Снежок. Снежный Снежок.

– Прекратите, пожалуйста, – просит Снегурочка. И я молчу. Да и зачем спорить? С кем? Со Снеговиком? Бред. Чертов сумасшедший бред.

– Мы пришли, – говорит Снежок и останавливается у двух елей, растущих параллельно, чьи ветки образуют нечто вроде арки.

– И что дальше? – спрашиваю я, но мне никто не отвечает. Снегурочка достает из шубы сверток пергаментной бумаги. Она аккуратно разворачивает его и достает что-то темное, размером с мой кулак. Это что-то окрашивает темным руки Снегурки.

– Что это? – спрашиваю я.

– Наш пропуск, – дрожащим голосом отвечает она.

– Что это за херня, мать твою! – срываюсь я. Вопрос формален. Я уже знаю, что она держит в руке, но мне нужно услышать. Мне нужно услышать от нее.

– Это сердце.

– Скажи мне, что это сердце теленка или свиньи. Скажи! Черт бы тебя побрал!

Она молчит. Какого дьявола? И это Снегурочка, которую я в детстве с другими детьми звал? Которую помогал спасать от Бабы-Яги и волков на детском утреннике?

– Это человеческое сердце, – шепчет она.

– Блядь! Да я вижу, что не только добрый дедушка Мороз слетел с катушек и похищает детишек, но и его верные друзья стали поклонниками Ганнибала Лектора!

– Мы никого не убивали, – скрипит Снежок. – Мы выкрали его в морге. Иначе нельзя. Иначе нас не пустят. А теперь дай закончить обряд.

– Какой еще к черту обряд?

– Обряд, который поможет нам найти нашего хозяина. В конце концов, у нас была сделка, а по счетам всегда надо платить.

Я смотрю на снеговика и каждой клеточкой организма понимаю, что доверять этой парочке нельзя, но журналистское любопытство все равно побеждает.

3

Снегурка протягивает сердце к арке из веток и говорит:

– Мы подносим привратнику наш скромный дар и смиренно просим открыть дверь и исполнить нашу просьбу. Прими наш дар.

Вначале ничего не происходит, но спустя несколько минут из тени деревьев выбегает огромный черный волк. Он останавливается с другой стороны арки и внимательно рассматривает нас горящими желтым огнем глазами. Из огромной пасти при каждом выдохе вырывается облако пара. Это поистине исполинский зверь, в холке он достигает полутора метров. Внутри у меня все холодеет. Если он нападет, то разорвет нас в клочья. Такой зверь убьет человека за минуту. Волк внимательно осматривает нас, будто изучая. Его взгляд скользит по мне, Снегурке, останавливается на Снежке, потом возвращается на меня – и так по порядку. Такого страха я не испытывал давно. Очень давно. Взгляд волка задерживается на мне.

– Этот боится меня, – говорит он глухим, рычащим, но человеческим голосом. И я чувствую, что второй раз за день могу лишиться сознания.

– Он смертный, – отвечает Снегурочка и бросает к ногам волка сердце. Волк к нему не притрагивается. Оно лежит темным пятном на белоснежном снеге, и я вижу, как от человеческой плоти исходит пар, словно его вырезали из груди живого человека несколько минут назад.

– Он смертный, – повторяет она. – И он с нами. Ты примешь наш дар, привратник?

– Возможно, – задумчиво рычит волк. – Чего вы хотите?

– Приведи нас к нашему хозяину.

– Слуги созданы, чтобы служить, – говорит привратник. – Но вы потеряли своего хозяина. Может, пора сбросить поводок?

– Мы не можем, – скрипит Снежок.

– Зачем вам смертный? Я мог бы найти вашего хозяина за свежее мясо.

Внутри у меня все холодеет. Я понимаю, зачем я им нужен. Простой обмен. Просто оплата поисковику. Чертов стейк с кровью. Без всякой прожарки. Я прячу руку в карман и крепко сжимаю нож. Чувствую прилив адреналина. Так просто не сдамся.

– Он связан с нашим хозяином, – внезапно говорит Снегурка, и я вздрагиваю. Каким еще образом я связан с Дедом Морозом? Волк внимательно осматривает меня. Глубоко втягивает воздух носом.

– О, да. Он связан.

– Привратник, ты примешь наш дар? Ты исполнишь нашу просьбу?

– Да, – говорит он и неспешно съедает сердце. Затем смотрит на меня и добавляет: – Но после... после я, возможно, познакомлюсь с вашим смертным немного поближе, – шепчет волк, и я чувствую, как страх пробирается под кожу ледяными иглами.

4

По узкой тропе в заснеженном лесу, при свете луны, идет странная компания: циничный овдовевший пьяница-редактор, Снегурочка, живой снеговик и гигантский черный волк, обладающий способностью говорить на русском языке. Обычная ситуация для сумасшедшего дома.

Волк ведет наш безумный балаган. Он явно никуда не спешит. Ему не нужно писать материалы для газеты.

Он оборачивается и говорит:

– Смертный, хочешь, я укушу тебя, и ты останешься здесь? Ты станешь таким же, как я. У меня как раз дочь на выданье.

Все, кроме меня, смеются. Наверное, в мире волшебных улюбок это очень смешная шутка, и волк в свободное время от обязанностей привратника и пожирания человеческих сердец выступает в местном лесном клубе со стендапом. Черт, возможно, он даже способен затмить Джорджа Карлина!

– Шучу. Ты никчемный слабак. А ей нужен настоящий волк. Такой же, как отец, – осканлившись, говорит привратник, и мне становится немного легче. Совсем немного. Как если бы мне сказали, что после ночи с проституткой я подхватил не СПИД, а сифилис.

Мы продолжаем идти. Мимо пролетает сова. Она матерится и проклинает мышей, спрятавшихся под снегом. Я уже ничему не удивляюсь. Разве мы не в странном месте? Чувствую себя героем фильма Дэвида Линча.

Деревья, растущие по бокам от тропы, по которой мы движемся, тянут к нам ветки и протяжно стонут. От стога стынет кровь в жилах. Они жаждут тепла и тянутся ко мне. Такое чувство, что в этом месте все мечтают убить меня.

– Не дай им коснуться тебя, – предупреждает Снегурочка. – Этим деревьям доверять нельзя.

Я киваю, но убеждать меня нет никакой необходимости.

Волк смотрит на меня и злобно ухмыляется. Зверюга с удовольствием набросилась бы и разорвала глотку. Без сомнений. Я крепче сжимаю нож. Впрочем, уверенности, что он поможет справиться с привратником, у меня нет. И зачем я вляпался в это? Черт! Лучше бы сидел дома за ноутбуком и писал очередную статью о Краснозаринске. К примеру, о маньяке в костюме Деда Мороза, похищающих детей. Или о погодных аномалиях.

Мы продолжаем идти, и я начинаю замечать, что чем дальше углубляемся в лес, тем меньше снега на нашем пути. Вскоре я замечаю траву, пробивающуюся сквозь ледяную корку.

Смотрю на часы и вижу, что они застыли на 11:47 – на времени, когда мы перешли через арку. Мы идем не больше часа, но уже начинает светать. Действительно странное место.

Я спрашиваю, почему светает и снега нет. Снегурочка отвечает, что в собственных землях Деда Мороза нет, поэтому мы идем в ничьи земли, которые соприкасаются со всеми остальными. Этот ответ еще больше запутывает меня.

– Когда придем, у нас будет немного времени, – сообщает Снежок.

– Это еще почему? – интересуюсь я.

– Ты – мясо, замаринованное в коньяке, так что тебе не понять, почему снеговик не может долгое время находиться в тепле.

– Так ты растаять боишься?

– Быстро соображаешь. В пятом классе школы для умственно отсталых ты определенно был бы самым сообразительным. Заметь: не умным, а сообразительным. Это разные вещи.

– Я полагал, что язвить в нашей компании должен я. А тебе было бы лучше читать дурацкие стишки, которые вам рассказывают детишки на утренниках.

Наш папа дорогой, дедуля милый!
Сегодня день рожденья твой, ура!
Тебе давно пора уже в могилу,
Нам говорят об этом доктора.
Но ты держись, пусть не покинут силы
Тебя, ведь к нашей бабушке тогда
Захаживать начнут герантофилы
И соблазнять старушку иногда.

– Вот тебе! – проскрипел снеговик.

Этот стишок мне знаком. Пять месяцев назад мне принесли поздравление отцу главы города, и я ради смеха переделал его в это безобразие и забыл удалить. В таком виде поздравление попало в газету. Скандал случился страшный. Канарейкин грозился затаскать меня по судам. В следующем номере пришлось приносить его отцу извинения. Однако людям понравилось, и стишок пошел в народ. Канарейкина стали звать за глаза герантофилом. Впрочем, я уверен, что большинство даже не знает значения этого слова.

– Пошло в народ, как все гениальное, – усмехаюсь я.

– Гениев я еще не пробовал, – задумчиво говорит волк, и улыбка сползает с моего лица. Ублюдок умеет поднять настроение.

Снега становится все меньше, а островков зелени – больше. Через пять минут снег исчезает вообще.

Восходит солнце, и вместе с ним расцветают цветы. Они тянутся к солнцу и поют до боли знакомую мелодию. Я прислушиваюсь и понимаю, что это «Миллион алых роз». Интересно, откуда цветы ее знают.

Снежок просит остановиться. Он тяжело дышит, если такое слово вообще уместно в отношении него. Снегурочка подбегает к другу. Она спрашивает, все ли с ним хорошо. Черт, даже мне понятно, что нет. Снежок потемнел и заметно уменьшился в размерах. Он тает.

– Возвращайся, – говорит Снегурка, поднимая ведро и открывая глаза-угольки.

– Нет. Мы должны идти.

– Но если ты растаешь...

– И что? Ты заберешь ведро. И тогда все будет нормально.

– Давайте поторопимся, – обращается она ко всем.

Ну, поторопимся, так поторопимся.

Еще спустя двадцать минут мы выходим на широкую поляну, в центре которой стоит засохший исполинский пень, а окружность усыпана кустиками спелой красной земляники. Земляника зимой. Впрочем, я уже не удивляюсь: говорящие волки, живые снеговики, земляника в декабре – это меньшее, чему стоит удивляться.

– И что дальше? – спрашиваю я.

– Молчи, – шепчет Снегурка.

Волк прыгает на пень и протяжно, долго воет. Мы молча смотрим на него. Он ложится и гордо смотрит на нас. Чем-то в этот момент он напоминает Акеллу. Только Акелла был белым волком, а этот – черный.

– Кто звал меня?! – гремит мощный нечеловеческий голос за нашими спинами.

5

– Кто звал меня!

Я оборачиваюсь и вижу перед собой высокого тощего старика в белой поношенной рубаше и белых же шароварах. Он бос. Длинная, доходящая до пояса борода белее свежего снега.

Иссохшее посеревшее лицо испещрено глубокими морщинами. Губы настолько тонки, что кажется, их вовсе нет, а просто художник неловким движением нарисовал синюю линию на лице. Голубые впавшие глаза светятся холодным светом. Они напоминают мне глаза Снегурки, только у старика они источают злобу.

– Это и есть Дед Мороз? – спрашиваю я. Старик совсем не похож на тот образ из детства. Он больше напоминает бомжа. Нет ни шубы, ни посоха.

– Это не он, – шепчет Снегурка. В ее голосе чувствуется страх.

– Я не эта пародия на Святого Николашку! Я Карачун – древний бог двух верных союзников – холода и смерти. Я выходец из Нижнего мира. – Он говорит тихо, но каждое слово отдается головной болью. – Я повелитель волков. Я так говорю!

Из мрака за его спиной появляются три белых волка. Они угрожающе рычат и скалятся.

– Похоже, не я один хочу попробовать тебя на зубок, – усмехается привратник.

– Почему ты говоришь по-современному, если ты такой древний? – спрашиваю я, и мерзкий старик смеется. Раньше я думал, что у Снежка мерзкий смех, но теперь понимаю, что ошибался. По сравнению с этим стариком Снежок – само обаяние.

– А ты забавный. Слишком испорченный. Я вижу страх в твоём сердце и пустоту, которую не заполнить. Может, тебе даже удастся уйти отсюда живым. Впрочем, посмотрим. Но, как я вижу, ты пришел сюда не по своей воле. Скажи, ты знаешь, зачем понадобился его творениям?

– Мы хотим найти Дедушку Мороза, – неудачно пытается вступить в разговор Снегурка, но Карачун резко взмахивает рукой, и она умолкает.

– Я не спрашиваю твоего мнения. Из пустоты по его воле ты родилась и скоро пустотой обернешься. Я так говорю! Ты связан с моей бывшей ипостасью. С Дедом Морозом. Не знаю, как, но связан. А они – нет. Они лишь призраки. Отблески его большого разума, как и мои волки, но стоит приложить небольшое усилие – и их не станет. – Карачун щелкает пальцами, и волки превращаются в снежные скульптуры.

– Ты готов стать марионеткой в руках пустоты? Они так сильно цепляются за жизнь, что готовы пойти на что угодно в бессмысленной попытке сохранить свое подобие жизни. – Теперь он смотрит на моих спутников и продолжает: – Вы думаете, что способны спасти Деда Мороза? Поздно. Он вошел в фазу изменения и скоро сбросит старый ярлык, как змея сбрасывает кожу. И вы уйдете вместе с ним. Станете лишь

отражением в очередном осколке. Помогите мне вернуться. Освободите меня, и я помогу тебе. Расскажу, как заполнить пустоту в душе.

– Какая связь? Что может связывать меня с ним? – спрашиваю я и делаю несколько осторожных шагов назад. – Я даже письма ему в шесть лет перестал писать.

– А разве есть разница? Вместе мы сможем его найти. Вместе мы навесим на него нужный ярлык.

Я не понимаю, о чем идет речь. Происходящее напоминает мне безумное чаепитие из «Алисы в Стране чудес». Я думал, что получу тут ответы, а вместо этого чувствую, что запутался еще сильнее.

– Зачем он ворует детей?

– И действительно, зачем ему их воровать? – отвечает Карачун и расплывается в улыбке, обнажая черные источившиеся зубы (не зубы, а пеньки). Я почти ощущаю зловоние из его рта. – Давай найдем его и спросим? Вместе.

– Я, пожалуй, откажусь. Мне еще новогодний выпуск газеты делать.

– Ты не понял. Выбор даю тебе в том, чтобы добровольно помочь мне. Будь уверен, что назад тебе пути нет. Я так говорю.

– Спасибо, ребята. В классную херню вы меня втянули, – чувствую нарастающую злость.

– Если бы я знал, что этим все обернется, то не позволил бы твоим губкам прикасаться ко мне.

Я тычу пальцем в Снегурку, понимая несостоятельность обвинений. Но сейчас мной управляют злорадство и страх. Мне хочется выпить. Боже, как же мне хочется выпить.

Сжимаю кулаки. Ногти больно врезаются в ладони. Боль немного отрезвляет, помогая привести мысли в порядок. Приходит понимание, что необходимо выиграть время.

– Так ты, значит, древний бог. И почему я о тебе ничего не слышал?

– Потому что жизни людей слишком скоротечны. Ваши жизни слишком быстро текут. Время ускоряется. Вы забываете о важном. Вот и меня забыли. А я вернулся.

– Долго тебя не было.

– Верно ты говоришь, но теперь мое время пришло, – его глаза начинают излучать голубое сияние. – Когда-то люди боялись ночи, – шепчет он. – Когда-то люди знали, что темнота скрывает опасность, что в ней таятся ужасные кошмары.

Он смотрит мне в глаза. «Это гипноз...» – думаю я, но не могу противиться, не могу оторвать взгляд.

– С заходом солнца никому бы не пришло в голову выйти на улицу, выпустить ребенка. Но теперь... Теперь люди верят тьме. Они верят в электричество. Верят в то, что смогли победить, обуздать древнюю силу. Но они ошибаются. Я так говорю. Твари по-прежнему ждут во тьме. Идем со мной, – говорит он, и я делаю шаг навстречу Карачуну, навстречу древнему славянскому богу холода и смерти, повелителю волков и других ночных тварей, навстречу своей гибели.

– Хорошо. Иди ко мне и запомни: смерть – это не конец, это просто противопоставление жизни. Ты же хочешь увидеться с женой.

Я делаю еще один шаг. Этот синий огонь в глазах. От него невозможно оторваться. Невозможно противиться. Да и зачем? Может, и вправду лучше помочь ему, а потом уйти к жене в Нижний мир или куда там. Что в этом плохого? Еще один шаг – и все будет хорошо.

– Стой! – раздается за спиной голос Снегурки. Он выводит меня из транса. Черт! Я понимаю, что чуть не попался в ловушку Карачуна. Да только чем нам это поможет? Я отхожу назад, поближе к друзьям.

– Сейчас! – скрипит Снеговик.

– Нет! Нельзя! – вторит ему Снегурка.

– Только так и можно.

– Какой смысл противиться моей воле? – спрашивает Карачун и заливается хохотом, от которого мурашки бегут по коже. Снежные статуи волков оживают и бросаются на нас. Надо бежать. Ум подсказывает, что шансов против них у нас нет. Еще секунда – и нас разорвут в клочья. Вернее, разорвут моих спутников. Я пока нужен безумному богу живым.

И вдруг раздается хлопок. Нас со Снегуркой окутывает снежный вихрь. Я не могу понять, откуда он взялся. Снег лезет в глаза, под одежду. Я чувствую, как отрываюсь от земли и куда-то падаю...

6

Я лежу в сугробе у собственного подъезда. Сориентироваться мне помогает рекламный баннер, выглядывающий из-за угла. Он предлагает купить бытовую технику по самым сумасшедшим скидкам.

В руке что-то холодеет. Разжимаю кулак. Ключи. Пытаюсь встать. Вначале не получается. Переворачиваюсь и встаю на четвереньки. Уже что-то. Еще усилие – и все получится.

Рядом вижу Снегурку. Встав сам, помогаю подняться ей. Отряхиваемся от снега.

– Где Снежок? – спрашиваю я.

– Умер, – отвечает она слишком отстраненным голосом. – Пожертвовал собой, чтобы вывести нас из того места.

Не могу сказать, что это меня шокирует. Учитывая все, что я видел, телепортация в снежном вихре несколько меня не удивляет.

– Мне жаль, – автоматически говорю, и Снегурочка кивает. Она явно не нуждается в моем сочувствии.

– Спасибо, что попытался помочь. И если вдруг ты встретишь Деда Мороза, то позови меня. Я услышу и приду. Мы теперь связаны, – говорит она и уходит, растворяясь во тьме. Но прежде я успеваю заметить, что после смерти друга она выглядит гораздо лучше. Совсем как в нашу первую встречу.

Сплошные вопросы и ни одного ответа.

Глава 5. В которой все становится только хуже

1

Дома наливаю горячую ванну и ложусь отмокать. Что может быть лучше горячей ванны? Горячий глинтвейн?

Нет. Я не замерз, а вот усталость ужасная.

Медленно прихожу в себя. Пытаюсь привести мысли в порядок. Мышцы будто отлиты из свинца, но теперь они отдают усталость воде. Часы показывают час ночи, но спать не хочу.

Время подвести итоги. Этот вечер полностью изменил мое мировоззрение. Во-первых, магия существует. Во-вторых, боги существуют. В-третьих, существуют иные измерения. В-четвертых, Дед Мороз существует (бред, конечно). В-пятых, боги могут создавать себе помощников, из чего вытекает, что Снегурка не совсем реальна, но достаточно, чтобы отсосать, к примеру. В-седьмых, кто-то до сих пор похищает детей, и, возможно, делает это не сошедший с ума старичок с подарками, а его злобный братец Карачун. В-восьмых, у меня какая-то связь с Дедом Морозом, и это самое опасное, потому что я нужен Карачуну.

Зачем я ему? Он что-то говорил о ярлыке. «Навешать новый ярлык» – так сказал Карачун. Очередная загадка.

2

На сковородке – сливочное масло. Желтый айсберг плавится, растекаясь по черному антипригарному покрытию. Спустя минуту масло начинает шипеть. Бросаю в него лук. Через пять минут вливаю на сковороду к золотистому луку смесь молока, яиц, соевого соуса и черного перца. Убавляю огонь до минимума. Спустя пару минут убираю омлет в духовку дойти. Пока омлет «доходит» в духовке, обжариваю кровяные колбаски.

На часах – четвертый час ночи. Что это? Ранний завтрак или поздний ужин? Не знаю. Ем задумчиво. Пью горячий кофе. После ужина ложусь спать в зале и под легкий треп телевизора пытаюсь заснуть, заранее зная, что идея обречена на фиаско.

Никак не могу выкинуть из головы произошедшее. Возможно, все это просто обычная галлюцинация, и я вместо вояжа в лес в сопровождении сказочных персонажей просто провалялся в сугробе в состоянии белой горячки. Вот только почему я насмерть не замерз? Нет. Слишком все реалистично. Или так и должно быть? Сны всегда реалистичны. Так уж они устроены. Пару раз в жизни я понимал, что нахожусь в сновидении, но в тот же миг просыпался. Так что вряд ли.

3

Утро. Прошлой ночью я неожиданно быстро заснул. Мне снились тревожные сны, которые с наступлением утра рассеялись.

Завтракаю остатками ночной трапезы. Сегодня предстоит тяжелый день. Вообще у меня выходной, и я потрачу его на поиски защиты от безумного бога. Должна же быть какая-нибудь защита от него. Если по улицам Краснозаринска бродит Дед Мороз и его приспешники, то почему Карачуну не выйти на улицы города в охоте за мной.

Первый пункт назначения: городская библиотека. Может быть, там найдется какая-нибудь информация.

На улице холодно. Действие поцелуя Снегурки сошло на нет. Впрочем, мороз ощущается не так сильно. Здание библиотеки расположено в старой школе. Уродливое двухэтажное здание, на стенах которого местами осыпалась штукатурка, оголив кирпичную кладку. Это центральная и единственная библиотека. Под крышей старой школы соседствуют и детское, и взрослое отделение.

Я открываю массивную железную дверь и думаю, как с ней справлялись дети. Вслед за этой мыслью приходят другие, мрачные, о пропавших детях. Где сейчас Миша Чижов? В плену у безумца, опасного безумца. В темноте. Ждет, когда его спасут.

Дверь захлопывается за мной, толкая меня в чрево здания.

Изнутри библиотека выглядит совершенно иначе. Внутри светло, сделан какой-никакой ремонт. Стены обшиты гипсокартоном и украшены рисунками детей. Зачем во взрослой библиотеке рисунки детей, мне непонятно. Через большие витражные окна в холл проникает достаточно света.

В детстве библиотека казалась загадочным порталом, подобным кроличьей норе, что ведет в Страну чудес. Но чем старше я становился, тем менее чудесным местом казалась мне она. Просто стеллажи пыльных старых книг.

За регистрационным столом сидит Мария Викторовна, пожилая женщина, которую в городе за глаза зовут «Божьим одуванчиком».

– Здравствуйте.

– Добрый день, Глеб Александрович. Еще газет принесли?

Часть тиража я распространяю через библиотеку.

– Нет. Книгу ищу для материала в газету.

– Какую?

– Что-нибудь о славянской мифологии. Хочу написать статью о Деде Морозе к Новому году.

– Тут вряд ли найдется что-то полезное, – пожимая плечами, говорит Мария Викторовна.

– Лучше вам встретиться с Халявкиным.

Я смотрю на свое отражение в ее больших очках, придающих ей сходство с большой черепахой из старого советского мультфильма, и понимаю, что она права, а еще, что все равно пойду искать книги.

4

Михаил Халявкин – местный сумасшедший. Здесь вообще много сумасшедших. Гораздо больше, чем должно быть. В этом я убедился, когда возглавил собственную газету.

Вначале мне стали звонить и рассказывать о встречах с НЛЮ, морскими змеями, огуречными вервольфами и прочей нечистью, в существование которой я до вчерашнего дня не верил. Затем они стали приходить в редакцию, рассказывая о всемирных заговорах, которые им удалось раскрыть, о спиритических сеансах, которые позволяют соседям ходить сквозь стены и воровать стратегические запасы тушенки. Безумие то еще.

Халявкин на общем фоне отличается особым пиететом к славянской культуре. Он поклоняется толи Велесу, толи Перуну и ходит в славянском наряде, сшитом из самотканого полотна. Впрочем, зимой он не брезгует и китайскими пуховиками. Уж если кто и знает о Деде Морозе, так это он.

Халявкин работает дворником. А кем еще работать жрецу Велеса?

Искать его нет ни малейшего желания. Хорошо, что в редакции есть его номер.

По пути покупаю бутылку водки и минералку. Не чтобы напиться, а так, чтобы расслабиться. Я вообще редко пью, чтобы напиться. Просто так получается.

В редакции тепло. Несколько минут не снимаю пальто – пытаюсь согреться. Чтобы ускорить процесс, выпиваю рюмку. Хорошо.

Рыскаю в столе в поисках записной книжки. Ее нигде нет. Вспоминаю, что книжка дома. Ругаю себя за забывчивость. Мог бы быть уже в тепле, а теперь придется тащиться по холоду. Впрочем, не холод меня пугает, а Карачун и его приспешники.

Звонит телефон. Мама. Я отвечаю с легким чувством стыда, присушим сыну, не выходящему на связь с родителями уже больше недели.

– Здравствуй, Глеб, – говорит она вкрадчивым, слегка дрожащим голосом. – Как ты?

– Хорошо, мам, – вру я.

– А как газета? Выпустил?

– Да. Все хорошо.

Мы беседуем, перебрасываясь типичными фразами. Она спрашивает о Кате, не собираюсь ли я жениться. Я говорю, что еще не думал об этом. Не приеду ли я на Новый год домой? Наверно, хотя точно сказать не могу, но на праздники в любом случае домой приеду. Как у меня со здоровьем? Все просто отлично (о ноющей печени и одышке умалчиваю). Надо бросить пить. Да, но пью я мало, почти бросил.

Мы прощаемся, и я выключаю телефон. Иду на кухню и наливаю рюмку. Пью. Почему-то после разговоров с мамой я всегда чувствую себя плохо и неуютно. Почему? Может, потому что она недолюбливала Свету? Никогда не говорила об этом прямо, но давала понять, что ни одна женщина никогда не будет достойна ее сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.